

Теоретические проблемы языкознания

Избранные статьи

Содержание

Об одном конкретном проявлении принципа экономии в языке	1970	с.2
К проблеме дейктических функций слова. Автореферат кандидатской диссертации	1973	с.4
Специальные термины в неспециальных текстах и их понимание читателем	1982	с.10
О трех видах экспрессивности слова	1983	с.17
Лексическое значение слова в речи. Автореферат докторской диссертации	1986	с.14
Языковой статус имени собственного (в сопоставлении с термином)	1987	с.40
«Язык смысла» Андрея Платонова	1999	с.45
Принадлежит ли язык к явлениям культуры?	1999	с.51
О понятии «академический язык»	2001	с.52
Гипотеза естественного происхождения языка	2004	с.54
Язык в глобальном обществе	2004	с.55
Структурные компоненты значения слова	2005	с.58
Стилистическая характеристика слова в обыденном языковом сознании	2006	с.65
О понятиях <i>метод, методика, прием</i>	2008	с.72

Об одном конкретном проявлении принципа экономии в языке¹

Общей тенденцией функционирования организмов является функция приспособления их к окружающей среде, к условиям, в которых совершается их деятельность. Одним из видов проявления этой тенденции является экономия нервного и мышечного труда в процессе деятельности организмов¹.

Языковое общение есть один из видов деятельности. В процессе общения участвуют затраты как мышечного труда (артикуляция звуков), так и затраты нервного труда (усилия памяти, мышления). Экономия в языке проявляется в стремлении уменьшить как те, так и другие затраты. В расчете на одну языковую единицу совокупность мыслительных и артикуляционных затрат представляет собой ее «стоимость». Экономия, таким образом, проявляется в стремлении человека снизить «стоимость» используемых им языковых единиц.

Снизить «стоимость» языковой единицы можно за счет сокращений артикулярных затрат и затрат мыслительного труда. Эти два фактора находятся между собой в постоянном противоречии. «Для удовлетворения потребностей общения носителям языка приходится выбирать между увеличением количества единиц в системе и увеличением числа единиц в речевой цепи... В принципе окончательный выбор какого-либо одного решения зависит от частоты употребления: если данный объект упоминается довольно часто, экономичнее придать ему короткое обозначение, далее если это окажется дополнительной нагрузкой для памяти; если, например, данный объект упоминается редко, то экономичнее, не отягощая памяти, сохранить длинное название»³.

Как видно, и в том, и в другом случае выбор обусловлен действием принципа экономии. Экономия в языке, по А. Мартине, это «синтез действующих сил»⁴. Сокращение единицы А. Мартине обозначает как «синтагматическая экономия», сохранение единицы – «парадигматическая экономия». Частотность языковой единицы выступает тем фактором, который разрешает внутреннее противоречие «стоимости» единицы и в конечном счете определяет ее формальный состав. Сама же частотность единиц определяется экстралингвистическими факторами и изменяется вместе с «изменением социальных условий, в которых функционирует язык»⁵.

Нами был проверен синхронный анализ явления сокращения субстантивных словосочетаний в английском языке. Анализ показал, что данное явление можно

¹ От автора. Данная статья - моя первая в жизни собственно научная публикация.

рассматривать как одно из конкретных проявлений действия принципа экономии в языке, а именно как синтагматическую экономию.

Все сокращения от субстантивных словосочетаний можно разделить на языковые и контекстуальные. Языковые сокращения, т.е. такие, которые функционируют в языке независимо от своей полной формы, типа (motor) car, Zoo(logical garden) являются сокращениями высокочастотных словосочетаний. Об этом свидетельствует проведенная семантическая классификация – большинство языковых сокращений обозначает бытовые, обиходные понятия и объекты, или это наиболее распространенные общеполитические термины. Естественно, что общественная необходимость обмена информацией об этих объектах, необходимость использовать данные понятия высока, что ведет к повышению частотности обозначающих их словосочетаний и, далее, к снижению стоимости словосочетания путем его усечения.

В настоящее время в английском языке возникло сокращение North (Vietnam). Сейчас значение вьетнамской проблемы таково, что, словосочетание North Vietnam стало буквально притчей во языцех, что и привело к сокращению этого словосочетания. Однако, исходя из теории экономии, можно предвидеть, что с решением проблемы сокращение исчезнет, т.е. осуществится парадигматическая экономия.

Проводился анализ контекстуальных сокращений, т.е. таких, которые выступают в данном значении только, если в тексте употреблена полная форма, например: Open Space Theater was opened in London. The Open Space is situated... Сокращение Open Space означает Open Space Theater только в силу того, что оно соотносится носителем языка с ранее употребленной полной формой. Существование таких сокращений также обусловлено действием принципа экономии: здесь наблюдается повышение частотности словосочетаний в данном, конкретном тексте, что приводит к сокращению.

Анализ сокращений словосочетаний подтвердил также положение А.Мартине о наличии в языке двух путей осуществления синтагматической экономии, двух путей сокращения количества артикуляций: усечение единицы и замена ее единицей с меньшей стоимостью. Примером, иллюстрирующим первый путь, являются сокращения типа the (House of) Commons, pro(fessional sportsman) etc. Для второго пути характерны образования типа agent - «travelling salesman» или в русском – «щуп» вместо «термометрический зонд». Единицы такого типа мы обозначаем как «эквиваленты сокращений».

Оба способа - сокращение единицы и замена словосочетания его эквивалентом - представляют собой реализацию принципа экономии в языке. И в том, и в другом случае образующаяся единица выступает в значении полной формы и имеет меньшую «стоимость», а, следовательно, употребление ее вместо соответствующего словосочетания экономит артикуляционные затраты.

Исходя из этого, можно дать следующую характеристику сокращения субстантивных словосочетаний: сокращение субстантивных словосочетаний представляет собой один из конкретных видов реализации принципа экономии в языке. Принцип экономии реализуется в субстантивных словосочетаниях либо путем усечения словосочетания, либо путем замены его единицей с меньшей «стоимостью».

-
1. Бехтерев В.М. Общие основы рефлексологии человека. М., 1928.
 2. А.Мартине. Основы общей лингвистики //«Новое в лингвистике».- Вып. 3. М., 1963.
 3. А.Мартине. Основы общей лингвистики. «Новое в лингвистике». - Вып. 3. М., 1963.
 4. А. Мартине. Принцип экономии в фонетических изменениях. М., 1960.
 5. Н.Д. Климов Принцип экономии речевых артикуляций / Уч. записки I МГПИИЯ. – 1968. -Т.39. - М., 1968.

*И.Стернин,
студент 5 курса
Научный руководитель
преподаватель Е.И.Беляева
Опубликовано в:
«Сборник научных студенческих работ».
Вып. 2. Гуманитарные науки.
Воронеж, 1970. С. 151 – 154.*

К проблеме дейктических функций слова

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

На правах рукописи

СТЕРНИН Иосиф Абрамович

К ПРОБЛЕМЕ ДЕЙКТИЧЕСКИХ ФУНКЦИЙ СЛОВА (специальность № 10.02.19 — общее языкознание)

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

МОСКВА 1973

Работа выполнена в секторе общего языкознания Института языкознания АН СССР.

Научный руководитель - доктор филологических наук А. А. Уфимцева.

Официальные оппоненты:

доктор филологических наук
кандидат филологических наук

Н. А. Слюсарева
Е. М Вольф.

Ведущее учреждение:

Институт языкознания АН БССР

Реферируемая диссертация состоит из «Введения», двух глав и «Заключения»

Во «Введении» обосновывается выбор темы диссертации и намечаются основные задачи исследования, которыми являются: изучение семантической специфики дейктических слов, отграничение дейксиса от сходных явлений, изучение дейктических признаков в семантике различных типов слов.

Исследование проводилось на материале британского варианта современного английского языка. Использовались художественные произведения английских авторов XX века - художественная проза и драма. Конкретным материалом исследования являются дейктические слова с пространственным значением - наиболее многочисленный и семантически разнообразный разряд дейктических слов в английском языке.

Глава I «Понятие дейксиса» посвящена рассмотрению семантических особенностей дейктического слова.

Понятие «дейксис» было введено в лингвистический обиход К. Бюлером². Дейктическими или указательными словами К. Бюлер называл такие единицы, которые получают смысловое наполнение в «указательном поле», т. е. в ситуации общения, в отличие от называющих слов, которые получают смысловое раскрытие в «символическом поле» языка - в контексте.

К. Бюлер выделяет в языке три типа указания (дейксиса): указание «на видимое», указание «на представляемое» и анафорическое указание. Под указанием «на видимое» К. Бюлер понимал употребление дейктических слов применительно к прямо наблюдаемым объектам. Указание «на представляемое» является указанием на нечто в совместном опыте общающихся или на нечто в ситуации, описываемой говорящим; это указание «в сфере зрелых воспоминаний и конструктивной фантазии». Под анафорическим указанием понимается указание на нечто в речи, в высказывании; при этом предполагается, что говорящий и слушающий «имеют перед собой все течение речи как целое, части которого можно удерживать, в памяти и предвосхищать». К. Бюлер выделял в языке три основных типа дейктических слов: дейксис лица (*ich-du*), дейксис места (*hier-dort*) и дейксис времени (*jetzt-denn*).

К. Бюлер заложил фундамент изучения явления дейксиса; его работа стимулировала лингвистические исследования в этой области. Развернувшееся изучение дейктических единиц пошло в разных направлениях. Многие лингвисты, следуя за К. Бюлером, определяют дейктические слова как осуществляющие «указание». Однако применительно к дейктическим словам термин «указание» в целом не может быть признан удачным, так как объединяет существенно разнородные явления: например, прямое указание на объект и внутриязыковое указание. Понятие «дейксис» нуждается в уточнении и конкретизации.

В литературе, посвященной дейксису, наблюдаются различные подходы к дейктическому слову. Разные авторы выделяют различные признаки дейктического слова в качестве ведущего и в соответствии с этим предлагают то или иное толкование понятия «дейксис». Некоторые авторы рассматривают дейктические слова как «звуковые жесты», служащие исключительно для подкрепления мимического жеста (Ш.Балли, Э. Кассирер, К. Танц). Однако далеко не все дейктические слова связаны с жестами; дейксис не сводится только к функции вокального дублирования жеста.

Ряд лингвистов рассматривает дейктические слова с точки зрения их влияния на поведение партнеров по коммуникации (У. Коллинсон, Ч. Моррис, в известной степени К.Бюлер). Они характеризуют дейктические слова как единицы, «привлекающие внимание» или «направляющие поведение». Этот критерий, однако, не дает возможности выделить в языке с достаточной строгостью дейктические слова, так как по существу дейктические языковые единицы можно рассматривать как «привлекающие внимание» или «направляющие поведение». В некоторых работах дейктические

² К. Buhler. Sprachtheorie. Jena, 1934.

единицы определяются как актуализаторы (Ш. Балли, М. В. Федорова, Л. С. Бархударов). Однако дейктические единицы являются лишь одним из видов актуализаторов и, определив их как актуализаторы, мы не выявляем их языковую специфику.

Иногда дейктические слова рассматриваются как замещающие единицы (А. А. Реформатский, Ю. А. Головенко); дейктические слова, по мнению этих авторов, «именуют уже поименованное». Такое определение раскрывает лишь одну из сторон дейктического слова - его способность осуществлять анафорическое указание; однако не это является их основной функцией. Слова «я», «здесь», «ты», «сейчас» в речевой ситуации ничего не замещают, а лишь особым образом характеризуют то или другое.

Ряду работ свойственно расширительное толкование дейксиса как ситуативно обусловленного употребления той или иной языковой единицы (Р. Ф. Идзелис). При таком подходе изучение дейктических единиц оказывается в сфере экстралингвистики, и понятие «дейксис» лишается конкретного лингвистического содержания. Ч.Филлмор развивает текстоцентрический подход к дейксису - дейктические единицы изучаются им со стороны высказывания, а не со стороны самого слова.

Рассмотренные подходы к изучению дейксиса показывают, что дейктические слова обладают различными языковыми функциями и могут изучаться в различных аспектах. Однако перечисленные подходы не дают возможности строго выделить дейктические слова как особый разряд единиц в лексико-семантической системе языка и отграничить дейксис от сходных явлений.

Определение дейктического слова должно исходить из его семантических особенностей, т. к. именно в сфере семантики, как указывал еще К. Бюлер, лежит коренное отличие дейктического слова от других языковых знаков. Основной семантической чертой дейктических слов является то, что они характеризуют тот или иной предмет (лицо, объект, событие) по признакам, которыми этот предмет обладает только относительно другого предмета, присутствующего в речевой ситуации. Так, местоимение «ты» характеризует определенного человека как «лицо, к которому обращается говорящий в данной речевой ситуации человек», т. е. то или иное лицо характеризуется данным местоимением через соотнесение с говорящим - лицом, присутствующим в данной речевой ситуации. Аналогично, когда тот или иной предмет охарактеризован как находящийся «здесь», это означает, что он находится «вблизи от говорящего в данной речевой ситуации лица», т.е. также охарактеризован через соотнесение с говорящим. Дейктическое слово «сейчас» означает «в момент, совпадающий с моментом высказывания говорящего», т.е. тоже ориентировано относительно говорящего лица.

Дейктические слова демонстрируют *относительность значения*. Под относительностью значения слова понимается семантическая особенность слова, заключающаяся в выражении им таких признаков характеризуемого предмета, которые существуют у этого предмета только в отношении к другому предмету.

Относительность значения дейктических слов - отличительная черта их семантики. Этой относительности лишены назывные слова. Существительное «рукав», прилагательное «веселый», глагол «резать», наречие «ловко» и т.д. характеризуют объекты, действия, процессы, события и т.п. по признакам, свойственным объектам, действиям, процессам, событиям независимо от каких-либо ситуативных факторов. Назывные слова дают квалификативную характеристику предмета - по его отличительным, составляющим его сущность признакам, передают его «качественную определенность».

Дейктические слова характеризуют предмет по его отношению к другим объектам речевой ситуации, а назывные слова характеризуют предмет по его собственным, инвариантным, не зависящим от речевой ситуации признакам. Дейктические слова содержат сему «относительный характер выделения предмета», назывные слова

содержат сему «кваликативный характер выделения предмета». Данные семантические признаки (семы) присутствуют в семантике слов в системе языка и обуславливают системную противопоставленность дейктических слов назывным. Данный план противопоставления этих двух типов слов может быть назван «характер выделения предмета».

Относительность значения дейктического слова предполагает соотнесенность слова с предметом, относительно которого характеризуется предмет речи.

Применительно к дейктическим словам представляется необходимым разграничивать два типа «предметов». Предмет, который характеризуется в предложении дейктическим способом, обозначается нами как «предмет речи». Предмет, относительно которого характеризуется предмет речи, обозначается как «центр координации». В семантике дейктического слова обязательно содержится указание на центр координации (наряду с той или иной характеристикой предмета речи). Как то, так и другое присуще дейктическому слову в системе языка; указание на говорящего в словах «ты», «здесь», «сейчас» является системной семантической чертой этих слов. Как отмечал К. Бюлер, когда мы слышим слово «здесь», мы уже глазами ищем говорящего.

Центр координации дейктического слова может носить различный характер. Центром координации может выступать говорящее лицо (у личных местоимений и наречий типа «здесь», «сейчас»); в качестве центра координации дейктической единицы могут выступать лицо или объект, присутствующие в речевой ситуации, но не совпадающие с говорящим лицом: *Go forward! Step aside! Move it back!* Центром координации может быть также предмет, упомянутый говорящим в процессе повествования или ясный из сделанного говорящим описания, например:

A bleak scream came from some woman at the back of the crowd and Brian saw her led away (A. Sillitoe);

He scooped a bundle of knives and forks, flung open the window and held them outside (A. Sillitoe);

A goods train went slowly by and he watched the blaze from its engine cab (A. Sillitoe).

В целом, представляется возможным разграничить два типа дейксиса - субъективный дейксис (центром координации дейктического слова является субъект речевого акта - говорящий) и объективный дейксис (центром координации является предмет, не совпадающий с говорящим).

Таким образом, *дейктические слова выделяются в языке как слова, характеризующие предмет через его отношение к некоторому центру координации, выделяемому в речевой ситуации или упомянутому говорящим*, в отличие от назывных слов, характеризующих тот или иной предмет по не зависящим от ситуации, кваликативным признакам.

Дейктические слова противостоят в языке назывным также и в плане чувственной восприимчивости характеризуемого предмета: дейктические слова употребляются только для характеристики предметов, находящихся в поле чувственного восприятия участников акта общения, в то время как назывные слова не содержат в своей семантике подобного ограничения. Эта своеобразная семантическая черта дейктического слова является одновременно системным предписанием употреблять его только применительно к чувственно воспринимаемым предметам.

К примеру, «Мне нравится купаться в реке» возможно и вне реки, в то время как «Мне нравится купаться здесь» невозможно без присутствия говорящего и слушающего в том месте, о котором идет речь. Как предмет речи, так и центр координации должны присутствовать в чувственно воспринимаемой общающимися ситуации.

Ситуация может быть *непосредственной речевой ситуацией*, окружающей участников акта общения, и *воссозданной*, т. е. описанной языковыми средствами. И та, и другая ситуации имеют чувственную природу. В непосредственной речевой ситуации

предмет речи и соответствующий центр координации ощущаются и воспринимаются слушающим; в воссозданной ситуации они представляются слушающим.

Как ощущения и восприятия, так и представления являются формами чувственного отражения действительности; естественно, представления являются менее яркими, чем ощущения и восприятия, и поэтому воссозданная ситуация всегда менее ярка, чем непосредственная речевая ситуация. Воссозданная ситуация сохраняет многие черты речевой ситуации, так как в конечном итоге любое описание ситуации имеет целью создать «эффект присутствия» в воссозданной ситуации говорящего и слушающих. Читатель или слушатель, оказываясь в воссозданной ситуации (представляя ее), включается в определенную систему ориентации и с тех или иных позиций интерпретирует употребляемые дейктические слова.

Таким образом, дейктические слова противостоят назывным в двух планах: по характеру выделения характеризуемого предмета и в плане чувственной воспринимаемости характеризуемого предмета.

Исходя из выделенных семантических особенностей дейктического слова можно таким образом определить это понятие: *дейктические слова - это слова, дающие относительную характеристику чувственно воспринимаемых в речевой или воссозданной ситуации предметов и осуществляющие одновременно указание на центр координации (субъект или объект), относительно которого характеризуется данный предмет.*

В английском языке выделяется четыре типа дейктических слов.

Слова личного дейксиса объединяют такие единицы, которые характеризуют предмет речи в отношении его роли в акте общения (говорящий – слушающий - не участвующий в акте общения) через соотнесение с центром координации - говорящим лицом. Слова личного дейксиса включают, в первую очередь, личные местоимения I, you, he, she, we, they и лично-указательное местоимение it, а также возвратные местоимения myself, yourself, herself, himself, itself, ourselves, themselves, которые подтверждают и усиливают выражение той или иной роли предмета речи в коммуникации.

К словам временного дейксиса относятся такие единицы, которые характеризуют временной аспект существования, действия или испытания воздействия предметом путем относительного обозначения этого момента применительно к какому-либо другому моменту, характеризующему событие, чувственно воспринимаемое участниками акта общения. Разряд слов временного дейксиса образован наречиями времени.

Дейктические слова с временным значением противопоставлены в трех временных плоскостях. Они обозначают момент, совпадающий с центром временной координации (now, today, at once, presently, immediately); момент, предшествующий центру временной координации (ago, yet, before, yesterday, earlier), и момент, последующий центру временной координации (after, later, soon, tomorrow, then, since).

К словам пространственного дейксиса относятся такие единицы, которые характеризуют местоположение или направление движения предмета относительно некоторого центра пространственной координации. В этот разряд входят наречия места: here, there, about, ahead, away, below, by, forward, in, out, up etc.

В языке выделяется также группа слов, осуществляющих непосредственное указание. К ним принадлежат указательные местоимения this, that, these, those, а также в известной степени лично-указательное местоимение it. Эти дейктические единицы осуществляют непосредственное указание на объект, присутствующий в непосредственной речевой ситуации, и выполняют атрактивную функцию - функцию выделения объекта из окружающей среды и привлечения к нему внимания собеседника.

Дейксис следует строго отграничивать от сходных явлений и, в первую очередь, от внутриязыкового указания. Внутриязыковое указание включает в себя несколько типов

указания. *Анафорическое* указание представляет собой указание на ранее употребленное слово или словосочетание, имеющее целью поддержать в связном тексте тождество того предмета, о котором идет речь. Из дейктических слов в этой функции чаще всего выступают местоимения третьего лица, указательные местоимения и местоименные наречия:

The child had thrown a tangerine into the water... it lay there, flickering like a small flame (L. Durrell);

The robbers ... shot him stone dead and put more dynamite under the safes. And when this blew they went inside (A. Sillitoe).

Замещение является указанием на слово в структуре предложения. Оно носит однократный характер, т. е. замещающее слово может быть употреблено в предложении только один раз. Слово-заместитель всегда может быть заменено на the one. В заместительной функции употребляются указательные местоимения: Men... were pushing wagons of still hot cinders ... forming another tongue of land which would eventually join up with that made by the lorries (A. Sillitoe).

Предваряющее указание представляет собой указание на слово или предложение, которое встретится в последующей речи. В этой функции выступают указательные местоимения:

From behind the verandah screen which fenced the ingle-nook, she heard these words: «I don't, Annette» (J. Galsworthy).

Коррелятивное указание осуществляется местоимением that при выражении подчинительной связи в сложно-подчиненном предложении:

And Jeremy knew that he had found his spiritual home (R. Aldington).

Ретроспективное указание является указанием на мысль, факт или событие, упомянутое раньше, но выраженное не конкретным словом или словосочетанием, а описательным путем:

They advanced into the hall, went from table to table, scooping each plate clean, gathering up cold chips, tasty cod-shells of yellow butter or crusts of bread and butter ... Brian had never done this before (A. Sillitoe).

Таким образом, ряд дейктических слов может иметь внутриязыковые значения. Дейктические значения отличаются от внутриязыковых следующим: дейктические значения предполагают соотнесенность слова с чувственно воспринимаемым предметом, внутриязыковые - нет; в дейктической функции слова самостоятельно несут информацию о предмете, а внутриязыковые указатели отсылают к другим языковым единицам.

Вторым важным разграничением, которое должно быть проведено, является разграничение дейктических слов и слов, выражающих соотносительные понятия - типа «отец», «враг», «сосед». Последние противостоят дейктическим словам в двух планах:

во-первых, эти слова выражают объективно существующую относительность связей между объектами реальной действительности, в то время как дейктические слова отражают временные, непостоянные отношения объектов, сложившиеся между ними только в данной ситуации;

во-вторых, подобные слова не содержат признака «чувственная воспринимаемость характеризуемого предмета», свойственного семантике дейктического слова. Отличие между этими двумя типами слов, таким образом, заключается в различном характере относительности значения и в различном отношении к чувственной ситуации.

Одна и та же информация может в определенной ситуации быть передана как дейктическим, так и предложно-именным способом. Выбор того или иного способа диктуется коммуникативным заданием говорящего, тем, что важно передать говорящему в данной ситуации: дейктические слова в первую очередь выделяют предмет или момент, а предложно-именное сочетание характеризует предмет или момент, подводя его под какие-либо общие категории.

Дейктические слова являются более экономными единицами, чем предложно-именные сочетания; с точки зрения принципа языковой экономии их употребление представляет собой осуществление синтагматической (А. Мартине) экономии путем замены единицы с большей стоимостью единицей с меньшей стоимостью.

Выделенные семантические особенности дейктического слова - относительность значения и чувственная воспринимаемость характеризуемого предмета - оказываются релевантными для выделения в языке крупных классов слов:

1) предмет выделен по относительным признакам; чувственная воспринимаемость его обязательна - дейктические слова;

2) предмет выделен по инвариантным признакам; чувственная воспринимаемость его факультативна - назывные слова (существительные, прилагательные, глаголы, наречия);

3) предмет выделен без опоры на какие-либо признаки (идентифицирован); чувственная воспринимаемость его факультативна - имена собственные;

4) предмет словом не выделяется; слово выполняет внутриязыковые функции (предлоги, союзы, связки, заместители).

Перечисленные признаки, обуславливающие принадлежность слова к тому или иному классу, входят в семантику слова в качестве своеобразной категориальной семы класса; эта сема присуща слову в системе, подобно семам частей речи - «признак», «действие» и т. д.

Выделенные четыре класса слов образуют определенный уровень лексико-семантической системы языка — уровень семантических классов, стоящий в иерархии группировок слов по семантике выше уровня частей речи: в один класс входят единицы нескольких частей речи, а единицы одной части речи могут распределяться по нескольким классам (например, наречия распределяются по классам дейктических и назывных слов).

В главе II «Дейктическое обозначение пространства в английском языке» рассматриваются типы единиц, осуществляющих дейктическое обозначение пространства. <....>

В «Заключении» делаются краткие выводы по диссертации.

В английском языке выделяется особый семантический разряд слов - дейктические слова. Дейктическими являются слова, дающие относительную характеристику чувственно воспринимаемых в речевой или воссозданной ситуации предметов (объектов, лиц, событий) и осуществляющие одновременно указание на центр координации, относительно которого характеризуется предмет речи. Центром координации дейктического слова может быть как субъект речевого акта - говорящее лицо, так и лицо или объект, не совпадающий с говорящим.

С точки зрения характера центра координации выделяются два типа дейксиса: субъективный дейксис (характеристика предмета речи относительно говорящего лица) и объективный дейксис (характеристика предмета речи относительно лица или объекта, не совпадающего с говорящим).

Центром координации дейктического слова может являться лицо или объект, присутствующий как в непосредственной речевой ситуации, так и в ситуации, созданной языковыми средствами - в воссозданной ситуации.

С точки зрения выполняемой в языке дейктической функции в английском языке выделяются:

дейктические слова (монокатегориальные наречия места, атрибутивные наречия, пространственно-оценочные наречия *high, low, nearby*, дейктические прилагательные); слова с дейктическими значениями в семантической структуре (предложные наречия, пространственно-оценочные наречия (*far, near, close*); слова с дейктическими семантическими компонентами (глаголы движения, существительные); дейктические выражения.

Содержание диссертации отражено в следующих публикациях:

- 1) К понятию дейксиса. В кн.: «Историко-типологические и синхронно-типологические исследования», под ред. Э. А. Макаева, М., 1972.
- 2) Частотность, избыточность и экономия в языке. «Вопросы терминологии и лингвистической статистики», Воронеж, 1972.
- 3) Типы дейктических слов в английском языке. «Известия Воронежского государственного педагогического института», т. 139, «Вопросы романо-германской филологии», Воронеж, 1972.

Специальные термины в неспециальных текстах и их понимание читателем

«Терминологический взрыв», характерный для современного общества, приводит к бурному росту числа терминов в языке, а умножение предметного мира, все более широкое распространение научных и научно-популярных знаний приводит к расширению функционирования терминологии за пределами своей исконной сферы - научного стиля, научных и технических текстов. Термины все шире используются в обиходно-бытовой речи, в публицистике, в художественной литературе. В современном языке постоянно расширяется круг слов, одновременно используемых как в узкоспециальных областях, так и в широком повседневном общении. По свидетельству А. Н. Васильевой, такие единицы составляют большинство наиболее частотных терминов языка³. При этом вряд ли можно говорить о существовании в таких терминах двух понятий одновременно — «бытового» и «научного». Как справедливо отметил Е. К. Войшвилло, «нет никакой принципиальной разницы между «обыденными» и научными понятиями... Различие может быть только в степени точности и глубине отражения»⁴.

Представляется, что понятие, обозначаемое таким термином, едино, и можно говорить в какой-то мере лишь о разных уровнях отражения, о «бытовых» и «научных» семах, которые на равных правах входят в значение такого слова. Научные семы являются единицами более глубокого уровня, они отражают, естественно, более глубокие, сущностные признаки объекта. Для каждого этапа развития общества значение таких слов представляет собой набор сем, известных всему говорящему коллективу и образующих в своей совокупности системное значение, а также оно включает ряд «специальных», «научных» сем, известных только специалистам и составляющих добавку к системному значению слова. В зависимости от сферы употребления единое содержание такого слова может реализоваться либо в «бытовом», либо в «научном» актуальном смысле⁵.

Так, например, слово «звезда» используется и в бытовом, и в специальном общении. При этом в значении слова заключено не два разных понятия, а одно, содержащее, однако, семы разной степени «глубины». В разных сферах общения это значение реализуется на разном уровне глубины, в зависимости от ситуации. В быту «звезда» - «мировое тело, видимое ночью на небе в виде светящейся точки». Этот смысл реализуется в бытовом общении. В значении слова «звезда» в языковом сознании астронома эти признаки также присутствуют, но их он будет использовать только в

³ См.: Васильева А.Н. Курс лекций по стилистике русского языка. Научный стиль речи. М.: Русский язык, 1976. С. 65.

⁴ Войшвилло Е. К. Понятие. М.: Изд-во МГУ, 1967, с. 128. См. также: Борн М. Физика в жизни моего поколения. - М.: Наука, 1963. С. 93.

⁵ Подробнее см.: Стернин И.А. Проблемы анализа структуры значения слова. Воронеж: Изд-во ВГУ, 1979. С. 64—71.

быту, а в сфере научного общения, например, в ходе дискуссии на астрономическом конгрессе, эти семы в его словоупотреблении не будут актуализованы, за исключением, может быть, семы «мировое тело».

В научном общении значительную часть значения составят научные, узкоспециальные семы. Отметим, однако, что и в научном общении не всегда необходим научный смысл того или иного знака. Если речь идет не об определении денотата или о признаках, составляющих его сущность, дифференциальную роль в акте общения могут сыграть и «бытовые» семы. Так, например, именно в «бытовом» смысле будет, видимо, реализовано значение слова «звезда» в таком высказывании астронома: *Обсерватории на Луне дадут нам возможность вести круглосуточные наблюдения за звездами.*

Исследование системного значения ряда терминов методом компонентного дифференциала⁶ показало, что в общеизвестное, системное значение ряда терминов рассматриваемого типа входят семы, которые недавно можно было бы считать научными: песок - «из зерен кварца», железобетон — «дешевизна», «простота изготовления», йод - «добывается из морских водорослей», «применяется в аналитической химии», магнит «возможность создания намагниченности электрическим током» и т. д. Таким образом, системное значение слова может углубляться за счет научных сем.

Вместе с тем, как показал эксперимент, целый ряд терминов имеет весьма малосодержательный семантический объем: реле - «маленькое техническое устройство, которое щелкает, замыкает цепь и является важной частью вычислительных машин и измерительных устройств», блюминг - «большое сложное техническое устройство, где поддерживается высокая температура». В подобных словах узкоспециальные семы, многие из которых определяют сущность предмета номинации, остаются за пределами системного значения. Использование таких терминов в нетерминологических сферах приводит к тому, что коммуникативная цель не достигается, так как неспециалист воспринимает такое значение в системном, а не «научном» объеме.

Весьма часто специальная терминология употребляется в газетных текстах, что связано с разносторонним характером передаваемой газетной информации. Газета доступна широкой массе читателей, и она должна информировать его о разных сторонах жизни. Специальные термины, как, впрочем, и все остальные слова на газетной полосе, должны быть поняты читателем. Однако далеко не всегда журналисту удастся использовать термин так, чтобы он был адекватно интерпретирован читателем. Как показало наше исследование, значение термина часто воспринимается читателем не в полном объеме или не в том объеме, на который рассчитывает пишущий.

Нами был проведен эксперимент по определению объема восприятия значений некоторых терминов, употребленных в информационных материалах газет «Правда» и «Известия» за 1977-1978 гг. Ставилась задача определить тот набор сем, который выявляется для читателя данным контекстом. Для эксперимента были взяты термины: *брифинг, дюкер, треста, рольганг и архитрав*; выдвигалась гипотеза, что значения этих узкоспециальных слов неизвестны многим читателям газеты и воспринятое ими содержание знака будет отличаться от реального значения термина. Конкретные контексты употребления терминов субъективно оценивались исследователем как недостаточные для экспликации содержания терминов. Эта гипотеза также подвергалась экспериментальной проверке.

Эксперимент проводился в два этапа. На первом этапе информантам - студентам пятого курса филологического факультета - предлагалось ответить на вопрос, слышали ли они данное слово (да, нет) и знают ли они его значение (да, приблизительно, нет). На

⁶ Стернин И.А. Проблемы анализа структуры значения слова. Воронеж: Изд-во ВГУ. 1979. С. 77 -80.

первом этапе в эксперименте участвовало 43 человека. Были получены следующие результаты:

Термин	Слышал	Не слышал	Знаю	Знаю приблизительно	Не знаю
Брифинг	2	41	1	0	42
Дюкер	4	39	0	1	42
Треста	9	34	2	4	37
Рольганг	6	37	1	2	40
Архитрав	7	36	1	3	39

Таким образом, гипотеза о малоизвестности значений исследуемых слов подтвердилась.

Второй этап эксперимента заключался в том, что информантам зачитывались заметки, в которых были употреблены исследуемые слова, и предлагалось после прослушивания текста записать значения исследуемых слов.

В результате обработки материалов эксперимента представилась возможность выделить несколько уровней понимания значения слова:

- 1) непонимание (в анкете такое слово оставлено без определения или сопровождается пометой «я не понял», «контекст недостаточен»);
- 2) понимание (ответ информанта содержит адекватный набор сем);
- 3) частичное достаточное понимание (ответ содержит не все адекватные семы значения, но смысл передан достаточно конкретно);
- 4) частичное недостаточное понимание (ответ содержит слишком абстрактные семы или недостаточное число адекватных сем);
- 5) ложное понимание (в ответе нет адекватных сем).

Представим полученные по каждому из исследуемых слов результаты на всех пяти выделенных уровнях понимания значения.

Брифинг - краткое инструктивное совещание, проводимое официальным лицом.

«Вашингтон, 2 декабря (ТАСС). Газета «Вашингтон пост» сообщает о брифинге, который провел в Пентагоне высокопоставленный чиновник министерства обороны США. Касаясь положения в Иране, американский представитель заявил, что установление в этой стране «режима, не дружественного по отношению к Западу, будет иметь очень серьезные военные последствия». «Вашингтон пост» отмечает, что этот высокопоставленный чиновник Пентагона «отказался обсуждать чрезвычайные планы США в отношении интервенции в Иране» («Известия», 1978, 3 дек.).

Количество информантов - 39.

Непонимание - 0;

адекватное понимание - 0;

частичное достаточное понимание: «совещание» -22, «короткое вещание» - 1;

частичное недостаточное понимание: «сообщение» - 8, «пресс-конференция» - 2, «политический термин» - 3;

ложное понимание: военное совещание - 7⁷, референдум - 1, звание, должность, пост - 1, законопроект - 1, неблагоприятное положение в стране - 1; два информанта считают, что в слове «брифинг» есть неодобрительный оттенок.

Значение слова «брифинг», таким образом, воспринимается в основном как «совещание», т. е. в объеме конкретной родовой семы.

⁷ Цифра после указания семы означает количество информантов, выделивших эту сему. Общее количество сем может превышать число информантов, так как многие информанты называют более одной семы.

Дюкер - трубопровод, сооружаемый в выемке под руслом реки.

«Штурм Днепра. Светловодск. Прокладка и испытание четырехкилометрового дюкера через Днепр закончены на трассе газопровода Оренбург - Западная граница СССР близ города Светловодска. В сложных зимних условиях все работы выполнены раньше срока» («Известия», 1977, 1 янв.).

Количество информантов - 39;

Непонимание - 0;

адекватное понимание - 0;

частичное достаточное понимание: туннель - 4, углубление, траншея -1, оболочка для газопровода под водой - 1;

частичное недостаточное понимание: строительная конструкция - 1; понятие, связанное со строительством мостов - 1, поддержка для труб при проводке их через реку - 1 (сема «поддержка» — ложная);

ложное понимание: мост - 14, часть моста - 2, часть трубы - 9; производственный агрегат - 1, часть механизма - 1, трос, используемый при прокладке газопровода - 1, опора, основа - 1.

В ответах преобладают дефиниции типа «особой конструкции мост», «какие-то трубы», «нечто, похожее на мост», т. е. значение интерпретируется через родовой признак без указания конкретного видового, причем родовой признак оказывается в большинстве случаев ложным. В результате в 33 случаях из 39 значение, воспринимаемое информантами, оказывается ложным.

Треста — обработанная солома льна, конопли, сырье для льнопромышленности.

«Вклад льноводов. Льноводы Житомирской области успешно выполняют социалистические обязательства по продаже государству льнопродукции. На приемные пункты они отправили 28,1 тысячи тонн льноволокна, 3508 тонн семян. Вся треста реализована средним номером 1,24 при плане 1. Готовя достойную встречу 61-й годовщине Великого Октября, труженики колхозов и совхозов стремятся организованно завершить весь комплекс полевых работ, выполнить планы и обязательства по производству и заготовкам всех продуктов земледелия и животноводства» («Известия», 1978, 21 окт.).

Количество информантов - 37.

Непонимание - 2;

адекватное понимание - 0;

частичное достаточное понимание - 0;

частичное недостаточное понимание: продукция - 22, сырье - 3;

ложное понимание: лен и семена - 5, объем продукции в льноводстве - 3, совокупность единиц для хранения зерна - 1, единица измерения - 1, лен со всеми отходами - 1, вся продукция в чистом виде - 1, показатель продукции - 1.

В данном контексте преобладает понимание значения термина в объеме абстрактной родовой семы «продукция», что неинформативно. Отметим, что этот смысл уже выражен в контексте словом «льнопродукция», конкретное же значение слова «треста» в контексте не выявляется.

Рольганг - роликовый конвейер, транспортер.

«Прямо к рольгангам. Жданов (Донецкая область), 21. (ТАСС). Новая транспортная артерия проложена на заводе «Азовсталь». Над его территорией возведена широкая эстакада, по которой круглые сутки движутся тягачи. Надземная трасса соединила новый конверторный цех с прокатным станом «3600». Теперь машины доставляют раскаленные полосы стали прямо к рольгангам агрегата, выпускающего лист для газопроводов большого диаметра» («Правда», 1978, 22 ноября).

Количество информантов - 39.

Непонимание - 3;

адекватное понимание - 0;

частичное достаточное понимание: конвейер - 3 (хотя это родовое определение, оно достаточно конкретно);

частичное недостаточное понимание: часть агрегата - 17, механизм- 8, производственный термин в металлургии - 1;

ложное понимание: печь - 1, что-то типа домны - 1, домна - 3, площадка около печи - 1, площадка, с которой загружают сталь в печь - 1, стан для проката - 1. В 17 ответах содержится указание на то, что рольганг используется в металлургии.

Таким образом, 25 из 36 информантов поняли термин «рольганг» как механизм, агрегат или его часть - в объеме абстрактной родовой семы, что неинформативно. Почти половина информантов ошибочно считают, что этот термин специфичен для металлургии. Учитывая, что термин вынесен и в заголовок, такое его понимание является явно недостаточным.

Архитрав - нижняя балка, лежащая на капителях колонн.

«...Истинная же достопримечательность Монако - Океанографический музей и институт - научные организации, снискавшие известность как в кругах ученых, так и у широкой публики: директор музея, известный исследователь «голубого континента», автор увлекательных книг и кинофильмов, изобретатель акваланга Жак-Ив Кусто. Капитан Кусто так рассказывал мне об истории музея. Его основал «ученый князь» - Альберт I Монакский... Для музея Альберт выбрал красивое и романтическое место на скале, обрывающейся в море. На 60 с лишним метров вознесся над волнами белокаменный фасад здания, на высоком архитраве которого - названия прославленных океанографических кораблей прошлого, и среди них - русский «Витязь» («Известия» 1978, 22 марта).

Количество информантов - 39.

Непонимание - 6;

адекватное понимание - 0;

частичное достаточное понимание - 0;

частичное недостаточное понимание: верхняя часть фасада - 9, термин в архитектуре - 3;

ложное понимание: верхняя часть архитектурного сооружения - 5, передняя часть здания - 4, выступ на здании - 4, часть скалы - 1, балюстрада - 1, тип иконостаса - 1, доска или стена - 1, фасад - 1, особая доска для надписи на архитектурном сооружении - 1.

Значение термина в данном контексте понято неправильно, велико разнообразие интерпретаций значения. Преобладает расширительное понимание, не содержащее дифференциальных признаков - типа «верхняя часть фасада», «передняя часть здания».

Таким образом, ни одно из исследованных слов не было интерпретировано информантами адекватно. Учитывая, что все эти термины в предварительном эксперименте были определены как неизвестные информантам, следует признать, что контексты построены неудачно и не дают необходимых читателю сем или дают их неэффективно. Следовательно, употребление специальных терминов в исследованных контекстах оказалось нецелесообразным, оно не достигло коммуникативной цели. Кроме того, как показывает эксперимент, в ряде случаев понимание значения оказывается ложным, а такое представление может впоследствии закрепиться в языковом сознании носителя языка, на какой-то период стать для него языковой реальностью.

Проведенное исследование позволяет также сделать некоторые выводы относительно соотношения значения слова с контекстом. Если значение слова известно носителю языка, то контекст актуализирует это значение, эксплицирует его в том или ином объеме в зависимости от коммуникативных задач. Если же слово неизвестно реципиенту, то его понимание осуществляется за счет наведения сем контекстом, при этом в сознании реципиента формируется некоторое значение, которое может иметь

разные структуру и объем.

Проведенный эксперимент позволяет выявить некоторые типичные пути интерпретации неспециалистами специальных терминов. Можно определить, по каким направлениям идет реципиент, формируя в своем сознании значение неизвестного или малознакомого ему слова. В зависимости от контекста возможны следующие «объемы» понимания значения:

1. Интегральная сема тематической группы, указание на сферу употребления. Например: архитрав - термин в архитектуре, рольганг - производственный термин в металлургии, треста - единица измерения количества какого-либо продукта, дюкер - понятие, связанное со строительством мостов.

2. Родовая сема. Например: рольганг - станок, агрегат; дюкер - мост, опора, основа; треста - продукция; архитрав - фасад.

Родовая сема может выделяться альтернативно: архитрав - доска или стена; брифинг - совещание или референдум; дюкер - переправа или мост.

3. Родовая сема и абстрактная видовая сема со значением части, элемента. Например: дюкер - часть моста; рольганг - один из механизмов агрегата, деталь агрегата для производства металла, часть машины, часть прокатного стана; архитрав - часть фасада.

4. Родовая сема и видовая описательная сема. Например: рольганг - устройство в доменной печи; архитрав - архитектурная деталь.

5. Родовая сема и дифференциальная сема-лакуна. Например: архитрав - что-то типа карниза, особая доска, что-то вроде портика; брифинг - какого-то рода совещание, что-то близко к пресс-конференции, какое-то собрание; дюкер - что-то вроде трубы, какие-то трубы, что-то вроде переправы, определенная конструкция; рольганг - механизм какой-то, какая-то часть агрегата, что-то типа домны. В этих случаях информант при помощи неопределенных местоимений и семантически близких к ним слов как бы фиксирует для себя незнание дифференциального признака, признавая одновременно его наличие.

6. Родовая и видовая ограничительная сема. Например: треста - продукция льноводства; рольганг - устройство, штампующее листы стали, устройство, в котором находится металл для изготовления; брифинг - совещание по политическим вопросам.

Возможны, конечно, комбинированные объемы понимания значения, в состав значения могут входить и ложные семы. Выделенные шесть «объемов», по-видимому, наиболее типичны для семантизации незнакомых или малознакомых слов. Можно предположить, что такие объемы характерны для значений многих слов, малознакомых для того или иного носителя языка или входящих в его пассивный словарный запас.

Термины достаточно широко употребляются во многих художественных произведениях, особенно современных писателей. Писатель, используя термины в художественном произведении, как правило, учитывает возможность понимания термина читателем на разных уровнях и в разном объеме. Часто писатель использует это явление в художественно-изобразительных целях. Сравним, например, отрывок из рассказа Л. Соболева «Рождение командира»:

«Тимошин встал на корме баркаса.

- Штормовое вооружение ставить! Одну фокмачту в средний степс, понятно? - сказал он и, дождавшись, пока разобрались в рангоуте и снастях, скомандовал: - Рангоут ставить! Куда вы ванты потащили, Паньков?

...Он вернулся на корму, взялся за румпель и, вдруг став серьезным, крикнул:

- На фалах!.. Паруса поднять!

- ...Теперь пойдет, - хоть песни пой, - сказал Тимошин и поудобнее сел на банке. - На шкотах не зевать! На руках держать, а то и перекинет... На баке, вперед смотреть!».

В приведенном отрывке используется много узкоспециальных морских терминов, большинство из которых явно непонятно рядовому читателю. Однако автор не строит

контекст в расчете на то, чтобы прояснить значение этих терминов, а скорее наоборот, организует контекст так, чтобы читатель все эти термины понял на уровне частичного понимания, в объеме абстрактной родовой семы в сочетании с видовой семой, обозначающей часть целого: все термины могут быть поняты приблизительно как «часть оборудования шлюпки», «деталь оснастки шлюпки». Этого оказывается достаточно, так как цель употребления большого количества терминов — показать, как уверенно разбирается командир в своем деле, таком сложном и малопонятном для читателя.

В повести Д. Гранина «Однофамилец» есть такой эпизод: главный герой Кузьмин размышляет о специфике своей работы: *«Наконечников не досылали второй месяц. Из-за этого пустяка фронт работ перекосило, график рухнул. На каждом объекте повторялось, в сущности, одно и то же. То наконечники, то муфты, то пускатели... Кузьмину стало себя жалко. Он вспомнил было недавнюю премию за компоновку распреустройств. Провозился почти год, пока ему удалось ужать эти ящики на двадцать сантиметров»*. Выделенные слова воспринимаются читателем в объеме абстрактной родовой семы и видовой описательной семы, указывающей на тематическую принадлежность - «техническое устройство», «техническое приспособление». «Нагнетание» слов с таким значением хорошо передает однообразие деятельности героя, вызывающее его внутреннее раздражение (ср. пренебрежительное «эти ящики»).

В другом примере из этой же повести читаем:

«... - Вам лишь бы защититься. - Сандрик покраснел. - А вы как думаете, - озлился он, - неужели вам за столько лет не обрыдло: *коммутаторы-аккумуляторы, сердечники-наконечники...* Господи, как вспомнишь, так вздрогнешь. Чем занимаемся, а? Нет уж... Да, да, скорей бы защита, и - привет! Чао!».

Выделенные термины воспринимаются, возможно, в объеме тематической семы «нечто техническое» или в объеме абстрактной родовой семы и абстрактной тематической видовой семы - «техническое устройство». Намеренное употребление терминов в рифму подчеркивает их общность, каковой в первую очередь и является их отнесенность к узкоспециальной сфере.

Писатель может использовать термин для окказионального переноса значения, но при этом контекст строится так, чтобы погасить в термине те узкоспециальные семы, которые излишни в данном словоупотреблении. Термин часто в таком случае ставят в кавычки или сопровождают специальными пояснительными словами, указывающими на его нетерминологический характер. Например: «Она (жена) подвергла его *своеобразному рентгену*» (А. Иванов). «Он *обстрелял их из кинокамеры*» (В. Санин). «Таким образом, ускоритель вместе с используемой на нем экспериментальной аппаратурой - *своеобразный микроскоп...* Чем выше энергия частиц, тем больше разрешающая сила такого «*микроскопа*» (Из газеты).

Таким образом, функционирование термина в нетерминологических сферах - в публицистических и художественных текстах - обладает рядом специфических черт. Если в художественном тексте использование термина часто преследует художественно-изобразительные цели и возможны различные контексты, по-разному, в зависимости от задачи писателя, раскрывающие значение термина, то в публицистике, основное назначение термина, особенно в информационных жанрах, — передача информации, и необходим тщательный отбор используемой терминологии с точки зрения ее знания тем или иным кругом читателей, а также такое построение контекста, чтобы он в достаточной степени раскрывал значение термина для читателей. Представляется, что минимальный объем значения, который следует признать достаточным, - родовая сема с ограничительной видовой семой.

Опубликовано в:
Лексика и словообразование русского языка.
Сборник научных трудов.

О трех видах экспрессивности слова

Термин «экспрессивность» используется в современной лингвистической литературе в двух смыслах - в широком и узком. В широком смысле экспрессивность понимается как выразительность речи, которая возникает на основе таких семантических свойств языковых единиц, как эмоциональность, оценочность, образность¹. Классическим выражением такого понимания экспрессивности является концепция Е. М. Галкиной-Федорук: «Экспрессия - это усиление выразительности, увеличение воздействующей силы сказанного. И все, что делает речь более яркой, сильно действующей, глубоко впечатляющей, является экспрессией речи»². В узком смысле экспрессивность рассматривается как интенсивность, как содержащееся в значении слова усиление степени проявления некоторого признака³.

Двойственное понимание термина «экспрессивность» создает целый ряд неудобств. Как справедливо отмечает Н. А. Лукьянова, «неудобство терминологии - употребление одного термина в двух разных значениях - в таких случаях очевидно. Поскольку термин «экспрессивность» в широком понимании стал традиционным и употребляется всеми лингвистами, нет необходимости заменять его каким-то иным. Что же касается второго значения его, то, думается, оно может быть закреплено за другим термином, более удобным, но которого пока нет»⁴.

Представляется, однако, что указанные два понимания экспрессивности не противоречат друг другу, а являются в известном смысле видовыми разновидностями более общего понятия «экспрессивность».

В наиболее общем виде экспрессивность в языке можно определить как некоторое *выделение каким-либо способом того или иного содержания из других передаваемых содержаний*. Экспрессия нацелена на привлечение внимания к какому-либо понятию, мысли, а через них - к некоторому предмету, явлению, признаку предмета, его состоянию и т.д. Близкую точку зрения находим у В.К.Харченко: «Сущность языковой экспрессии - в преодолении всевозможных шаблонов, стандартов. Экспрессивное в языке выступает как нерегулярное, нетипичное и потому необычное, свежее, выразительное»⁵.

И. В. Арнольд, придерживаясь аналогичной точки зрения, использует термин «интенсивность» для того, чтобы подчеркнуть выделение, усиление значения, осуществляемое экспрессивной единицей; экспрессия, по И.В.Арнольд, это «такое свойство текста или части текста, которое передает смысл с увеличенной интенсивностью, выражая внутреннее состояние говорящего, и имеет своим результатом эмоциональное или логическое усиление, которое может быть, а может и не быть образным»⁶.

Понимание экспрессии как выделения единицы из ряда других единиц является достаточно общим для языковых единиц различных типов и вместе с тем достаточно конкретным, позволяющим содержательно обобщить различные виды экспрессивности.

Анализ экспрессивности на лексическом уровне позволяет, на наш взгляд, говорить о трех основных разновидностях экспрессивности слова: *усилительной, номинативной и функционально-стилистической*.

Слова, обладающие *усилительной* экспрессивностью, содержат в своей семантике семы «очень», «в высшей степени». Эти семы характеризуют высокую степень проявления какого-либо количественного или качественного признака: *ничтожный, восхитительный, микроскопический, наилучший, сверхновый, вкалывать, титан, богатырь* и др. Экспрессивность таких единиц обусловлена тем, что очень большие, очень маленькие, очень красивые и т.д. предметы в реальной действительности

встречаются не часто, и вследствие этого упоминание их в тексте само по себе привлекает к ним внимание воспринимающего. Таким образом, эти единицы выделяются в речи своеобразием своего содержания. Часто при этом данные единицы выделяются особой интонацией, логическим ударением, особой синтаксической позицией.

Промежуточный тип между усилительной и номинативной экспрессией представляют собой переносные значения меры и степени (образные интенсификаторы): *железная воля, лошадиная доза, свинцовая тяжесть, нищенское жалованье, стальные нервы* и т. д. В этих значениях номинативная и усилительная экспрессия совмещены, хотя номинативная из-за регулярности многих таких выражений ослабляется. Мера экспрессивности слова, независимо от типа экспрессивности, зависит от частоты употребления единицы, а именно - обратно пропорциональна ей, так как при увеличении частотности возрастает предсказуемость единицы и исчезает эффект новизны, неожиданности.

Номинативная экспрессивность слова предполагает необычность, нетрадиционность номинации референта в речи. Единицы, характеризующиеся номинативной экспрессивностью, могут быть разделены на две группы: окказиональные (индивидуально-авторские) и системные (общезыковые). Можно, таким образом, говорить об индивидуально-авторской и общезыковой номинативной экспрессивности.

К первой группе экспрессивных единиц будут относиться индивидуально-авторские неологизмы и индивидуально-авторские употребления слов. Экспрессивность этого типа особенно часто наблюдается в художественных текстах и обусловлена необходимостью для писателя обозначить такие явления, которые он подметил в жизни (или создал своей творческой фантазией) и которые не имеют своего обозначения в языке, либо имеющиеся обозначения не устраивают писателя, неточно выражают его мысль. В этих случаях писатель прибегает к индивидуально-авторскому употреблению слов, чаще всего к метафорам.

Как отмечал М.В.Никитин, таким путем преодолевается известная «неадекватность номинативной системы насущным задачам выражения. Это - способ выразить трудно выразимое и обозначить то, для чего нет в норме прямого обозначения, причем выразить и обозначить, не увеличивая словарь единиц выражения и их синтаксическую сложность»⁷.

Новое явление или понятие, в номинации которого ощущает необходимость писатель, может быть выражено и словообразовательным неологизмом, однако писатели, как правило, не злоупотребляют этим средством. Видимо, это связано с большими возможностями окказиональных переносов в плане передачи объемного семантического содержания: окказиональный перенос несет множество ассоциаций, связанных с прямым значением, вовлекает периферийные семантические компоненты прямого значения в коммуникативный акт, в то время как окказиональные неологизмы более ограничены в своем значении, более бедны семантически - их семантика, как правило, не выходит за пределы яркой внутренней формы. В связи с этим писатель и тяготеет к использованию уже имеющихся в языке единиц, семантически модифицируя их, приспособляя к нуждам обозначения нового предмета.

Индивидуально-авторские номинации создают яркие, экспрессивные словоупотребления. Приведем примеры.

Наша пролетарская сила - разговор. Чего мы стоим, молчаливые-то, без сознания? *Плотва!* (А. Толстой. Восемнадцатый год).

Вы бы посмотрели на Катерину годков пять назад - *каштан* девка, а нынче съезжилась (Ю. Нагибин. Избранное).

Он не говорил, он вырыкивал слова, и при этом *сек* собеседника *молнией* взгляда (В. Астафьев. Царь-рыба).

И когда Самохин достал из портфеля увесистую папку, Нагульнов больно ощутил острый укол тревоги (М. Шолохов. Поднятая целина).

В те вечера (нечастые), когда Дарьи Степановны не было дома, Энэн устраивал себе *пир* тишины (И. Грекова. Кафедра).

Мне любовь хочется испытать. Настоящую. Великую и вечную. ...У всех какая-то *синтетика* (Д. Гранин. Картина).

Хватит мне всего! И денег, и женщин, и развлечений, и комфорта! Это все *шелуха, целлофан!* (В. Орлов. Альтист Данилов).

При всем обновлении форм жизни домашний очаг по-прежнему остается у японцев *крепостью* старого этикета (В. Овчинников. Ветка сакуры).

В художественном тексте номинативная экспрессивность, как правило, преобладает над усилительной. Усилительно-экспрессивные единицы могут встретиться, только если их появление диктуется содержанием текста, самими описываемыми в нем событиями и предметами (то есть в том случае, если описываемые предметы очень большие, очень сильные, очень красивые и т. д.), а не в любой точке текста. Номинативная же экспрессивность не связана с содержанием текста, она обусловлена субъективным желанием автора выразить некоторую мысль нестандартно, по-новому, ярко, необычно, в максимальном соответствии с замыслом автора. В связи с этим работа над языком во многом сводится к работе над повышением экспрессивности языка, что выражается в повышении метафоричности лексики. Именно в области номинативной экспрессивности наиболее ярко проявляется мастерство писателя. Что касается метонимии, то она редко выполняет экспрессивные функции, так как метонимические переносы наименования осуществляются по регулярным формулам, известным языковому коллективу, что мешает автору проявить оригинальность.

Общезыковая номинативная экспрессивность наблюдается в случае использования готовых ресурсов языка и представляет собой выделение некоторого содержания через его оценочное, эмоциональное наименование, образное обозначение. В этом случае используются готовые лексические единицы, содержащие в своей семантике оценочный и эмоциональный компоненты значения, а также образные переносные значения слов. Однако об общезыковой номинативной экспрессивности можно, видимо, говорить лишь в том случае, если эмоциональный и оценочный компоненты значения являются достаточно яркими, то есть выражают крайнюю эмоцию или оценку, а образность переносного значения также является «свежей», яркой.

Общезыковая номинативная экспрессивность проявляется на фоне соотнесенности языковой единицы с синонимичными ей единицами, лишенными яркой эмоциональной окраски, яркой оценки и образности.

Функционально-стилистическая экспрессивность слова вызывается его употреблением в не свойственном ему стилистическом контексте, то есть нарушением правила стилистической однородности текста. Ср. например: к интеллигентным родителям приходит председатель родительского комитета школы, где учится их сын:

- Согласитесь, что это не совсем прилично: самим пить водку, а ребенка заставлять учить уроки, завернувшись головой в одеяло.

- *Продал?! —* ахнула мама Погребенникова. Иногда, в моменты неожиданности, у Иры Ивановны вырывались жаргонные слова - результат общения с браконьерами.

- *Не продал,* а рассказал все как было, - поправил, открыв дверь, Славик. Он подслушивал из другой комнаты (Е.Дубровин. Беседы за чаем в семье Погребенниковых). Слово «продал» в речи интеллигентов оказывается высоко экспрессивным.

Экспрессивным будет высокое слово в разговорном стиле, разговорное слово в одном ряду с высокими словами, высокое или сниженное слово в нейтральном контексте, грубое слово в литературной речи и т.д. Данный тип экспрессивности

наиболее характерен для разговорной речи, в художественных текстах он встречается чаще в речи персонажей.

Все три вида экспрессивности, о которых шла речь выше - номинативная, усилительная и функционально-стилистическая - могут обнаруживаться у языковой единицы одновременно или выступать в различных сочетаниях, что может значительно повысить экспрессивность слова в тексте.

Таким образом, разные конкретные виды экспрессивности слова объединяются общей функцией - *выделяют содержание слова в ряду других выражаемых в данном тексте содержаний*.

1. Лукьянова Н. А. Некоторые вопросы диалектной лексикологии. Новосибирск, 1979, с. 55.
2. Галкина-Федорук Е. М. Об экспрессивности и эмоциональности в языке. В кн.: Сборник статей по языкознанию. М, 1958, с. 107.
3. Лукьянова И. А. Указ. соч., с. 55.
4. Там же.
5. Харченко В. К. Разграничение оценочности, образности, экспрессивности и эмоциональности в семантике слова. - «Русский язык в школе», 1976, № 3, с. 70.
6. Арнольд И. В. Интерпретация художественного текста: типы выдвижения и проблема экспрессивности. - В кн.: Экспрессивные средства английского языка. Л., 1975, с. 15.
7. Никитин М. В. О семантике метафоры. - «Вопросы языкознания», 1979, № I, с. 100.

*Опубликовано в:
«Структура лингвостилистики
и ее основные категории».
Пермь, 1983. С. 123-127.*

Лексическое значение слова в речи

БЕЛОРУССКИЙ ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ В. И. ЛЕНИНА

На правах рукописи

СТЕРНИН Иосиф Абрамович

Лексическое значение слова в речи

(Специальность 10.02.19 –
общее языкознание, психолингвистика, социоллингвистика)

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
доктора филологических наук

Минск – 1986

Работа выполнена на кафедре общего языкознания и стилистики Воронежского ордена Ленина государственного университета имени Ленинского комсомола.

Официальные оппоненты:

доктор филологических наук, профессор В.В.Мартынов

доктор филологических наук, профессор В.В.Левицкий

доктор филологических наук, профессор В.В.Богданов

Ведущая организация - Калининский университет

Реферируемая работа посвящена исследованию значения слова в речи.

Характерной чертой современной науки о языке является заметно возросший интерес исследователей к изучению языка в процессе его функционирования. Это привело к возникновению коммуникативной лингвистики, выделившейся в особое лингвистическое направление в последнее десятилетие. Коммуникативная лингвистика - отрасль языкознания, изучающая язык как функционирующий объект. В то время как коммуникативный синтаксис, коммуникативный подход к тексту, коммуникативная фонетика (фонетика речи) уже существуют и разрабатываются (Н.Д. Арутюнова, Г.А. Золотова, Г.В. Колшанский, И.П. Сусов, Ю.С. Степанов, Т.В. Булынина, Т.М. Николаева, В.В. Богданов, В.З. Демьянков, В.Д. Ившин, Х.Изенберг, Ч.Филмор, П.Сгалл, Р.Барт, Дж.Лич и др.), коммуникативная лексикология все еще находится в стадии становления.

Коммуникативный подход к значению слова может выступать по крайней мере в двух формах. В работах Н.Д.Арутюновой и ее учеников развивается подход, который может быть назван коммуникативно-прагматическим: слово анализируется в коммуникативном акте с точки зрения выполняемых им прагматических функций (идентификация, предикация и др.). Данный подход находится в рамках прагматики, коммуникативного синтаксиса. В нашей работе предлагается коммуникативно-семантический подход к анализу функционирующего слова, основанный на анализе семных механизмов реализации слова в речи. Этот подход является чисто семантическим и осуществляется в рамках лексикологии, составляя новый ее аспект - коммуникативную лексикологию.

Целью диссертационного исследования является разработка принципов описания семантики слова, реализованного в речи.

Важнейшими задачами исследования в связи с поставленной целью являются:

обоснование необходимости коммуникативного подхода к слову, необходимости разработки коммуникативной лексикологии как аспекта традиционного лингвистического учения о слове;

обобщение и уточнение понятийно-терминологического аппарата семной семасиологии, необходимого для описания значения слова в речи;

выявление и описание коммуникативных механизмов, обеспечивающих модификацию значения слова в различных речевых реализациях;

разработка концепции лексического значения, адекватно объясняющей семантические модификации слова в речи.

На защиту выносятся следующие основные положения:

- развитие коммуникативных исследований языка обуславливает необходимость разработки коммуникативной лексикологии как аспекта традиционной лексикологии и раздела коммуникативной лингвистики;

- разработка принципов и приемов описания слова в речи предполагает последовательное использование понятийно-терминологического аппарата семной семасиологии;

- основой коммуникативного подхода к слову является представление о лексическом значении как структуре, включающей многочисленные ядерные и периферийные компоненты; периферийные компоненты столь же важны для функционирования слова в речи, как и ядерные;

- речевая реализация значения всегда представляет собой его семное варьирование;

- значение как элемент системы языка реализуется в речи в виде актуального смысла

- коммуникативно релевантного набора сем, включающего лишь часть сем системного значения; возможна типизация актуальных смыслов лексических единиц;

- семантика слова в речи подвергается воздействию ряда семных процессов, действующих на уровне компонентов значения; описание реализации значения в речи требует учета всех семных процессов, воздействию которых может подвергнуться тот или иной компонент значения;

- коммуникативный подход к слову приводит к необходимости пересмотра традиционной дифференциальной модели значения (основанной на представлении о значении слова как совокупности минимального числа сугубо дифференциальных семантических компонентов) и ведет к построению более широкой, коммуникативной модели лексического значения, включающей дифференциальную как свою часть.

Актуальность избранной темы определяется неразработанностью теоретических принципов и приемов описания значения слова, функционирующего в речи, необходимостью разработки коммуникативной лексикологии как аспекта традиционной лексикологии и раздела коммуникативной лингвистики.

В Рекомендациях, принятых на первой всесоюзной конференции по коммуникативной лингвистике «Коммуникативные единицы языка», состоявшейся в Москве 12-13 декабря 1984 г., указывалось на необходимость «активизировать исследования коммуникативного аспекта языка на основе марксистско-ленинской методологии, обратить внимание на необходимость критического подхода к немарксистским концепциям коммуникативной лингвистики и прагматики». В предлагаемой диссертации предпринимается попытка распространения коммуникативного подхода на лексическую единицу - слово; анализ осуществляется на основе ленинской теории отражения, марксистской концепции единства языка и мышления и теоретических достижений советской семасиологической школы.

Новизна исследования заключается в разработке нового коммуникативно-семантического подхода к анализу слова; в разработке теоретических принципов, понятийно-терминологического аппарата и приемов описания значения слова в речи; в обосновании коммуникативной лексикологии как особого аспекта учения о слове.

Практическая значимость исследования заключается в возможности использования разработанного метаязыка и принципов описания значения для уточнения и унификации словарных дефиниций в толковых словарях; в возможности использования полученных теоретических результатов в лингвистических курсах по лексикологии, введению в языкознание и общему языкознанию в разделах, посвященных слову, его значению и функционированию слова в тексте.

В работе используется описательный метод, а также приемы компонентного анализа, контекстуального анализа и лексической трансформации.

Материалом исследования являются существительные современного русского языка.

Источниками фактического материала послужили произведения современной художественной прозы и публицистики; анализируется около 5 тысяч примеров, выделенных из текстов общим объемом около 10 миллионов словоупотреблений.

Апробация работы осуществлялась в форме научных докладов, научного обсуждения и печатных публикаций.

Основные положения диссертации докладывались на 27 научных конференциях (международных, всесоюзных и региональных).

Полный текст диссертации обсуждался на заседании кафедры общего языкознания и стилистики Воронежского университета, а также на заседании кафедры общего и славянского языкознания Белорусского университета.

Результаты диссертационного исследования отражены в 61 публикации общим объемом более 47 п.л. (список прилагается). Опубликованные работы неоднократно рецензировались и цитировались в лингвистической литературе.

Структура диссертации. Диссертация включает три главы, введение, заключение, список литературы (более 450 названий на русском и иностранных языках) и список источников фактического материала. Построение диссертации отражает последовательное решение поставленных в диссертации задач.

Во *Введении* рассматриваются основные направления современной коммуникативной лингвистики и показывается, что наименее разработанным ее разделом является коммуникативная лексикология.

В главе I «Теоретические проблемы изучения семантически реализованного слова» доказывается, что осуществление коммуникативного подхода к слову ставит исследователя перед необходимостью переосмыслить некоторые традиционные теоретические понятия с учетом коммуникативного аспекта их применения, а также ввести ряд новых понятий, обусловленных избранным аспектом исследования.

В диссертации подчеркивается, что существенное значение для понимания особенностей функционирования слова в речи имеет онтологическое совпадение значения и его знания: «значение какой-либо языковой единицы, как внутренняя ее сторона, постольку и существует, поскольку ее знают» (А.И.Смирницкий). В сознании носителя языка значение слова существует в виде глобальной семантической компетенции, которая обнаруживается в речи различными своими сторонами.

Слово двуаспектно: оно имеет номинативный и коммуникативный аспекты (А.А. Уфимцева, Г.В.Колшанский). Двуаспектность значения оказывает влияние на формирование значения в языковом сознании индивида: значение формируется как результат прямого отражения индивидом свойств предмета номинации, а также путем анализа индивидом содержания коммуникативных актов. Таким образом, лексическая компетенция включает не только компоненты, усвоенные через коммуникацию, но и компоненты, отражающие знания, приобретенные человеком в процессе общественной практики. В речи могут быть актуализованы как те, так и другие компоненты.

Слово в речи сохраняет самостоятельное значение, не растворяясь в значении высказывания, хотя и подвергается семантической модификации.

В современной семасиологии могут быть выделены два основных подхода к лексическому значению - дифференциальный и интегральный. Дифференциальный подход к значению характерен для традиционной структурной семасиологии (которая также может быть названа дифференциальной) и предполагает, что значение слова образовано небольшим числом семантических компонентов, отграничивающих данное слово от других членов той или иной лексической микрогруппы.

На современном этапе развития семасиологии, когда интерес исследователей перемещается в глубь значения, а также, в особенности в связи с коммуникативными исследованиями лексики, дифференциальный подход к значению обнаружил свою ограниченность. Дифференциальный подход не объясняет многих случаев коммуникативного поведения слова. Реально функционирующее значение оказалось несводимым к небольшому числу семантических компонентов. Эти обстоятельства требуют перехода к более широкой, интегральной концепции значения.

Интегральный подход к семантике слова предполагает, что кроме дифференциальных, в значение входит и большое число недифференциальных семантических компонентов, по которым слово не вступает в структурно-релевантные оппозиции внутри каких-либо микросистем, но которые, тем не менее, являются

реальными компонентами значения и активно проявляют себя в семантике слова - актуализируются в коммуникативных актах, ложатся в основу семантического развития слова и т.д. В диссертации приводятся аргументы в пользу интегральной концепции значения; подчеркивается, что интегральный подход не отрицает дифференциального, а включает его как частный случай.

Важной особенностью лексического значения является его нелимитируемость, которая заключается в невозможности четко определить его границы и исчерпывающе исчислить образующие его семантические компоненты. Нелимитируемость значения обусловлена рядом факторов: нечеткостью дифференциации самих объектов внешнего мира; постоянным изменением отражаемой в значении действительности; постоянным изменением уровня общественного познания предметов; приблизительностью самого процесса отражения (В.И. Ленин); различной яркостью сем в структуре значения; различиями в познании одного и того же предмета разными индивидами и группами индивидов.

Для осуществления коммуникативного подхода к слову весьма важным является решение вопроса о соотношении лексического значения и знания о мире. Аргументируется точка зрения, что значение является разновидностью знания о мире. Среди всей совокупности знаний индивида о мире выделяется часть, которая имеет языковой характер (языковое знание о мире). В индивидуальной лексической компетенции индивида выделяются два компонента: общеизвестное языковое знание о мире (то есть системное значение слова) и необщеизвестное языковое знание о мире (групповые и индивидуальные компоненты значения).

Системное значение отражено в словарях лишь в той или иной своей части, реальное значение - компетенция гораздо объемней любого описания, приводимого в традиционных толковых словарях. Задача лингвиста - выявить и описать системное значение слова как можно ближе к психологически реальному значению - компетенции.

Глава 2 «Проблема описания семантически реализованного слова» посвящена разработке теоретических принципов и приемов описания значения слова в речи.

В главе аргументируется положение о структурном подходе к значению как необходимом условии его коммуникативного описания; только в терминах компонентов значения можно выявить и практически описать отличие реализованного значения от значения как факта системы языка, а также различия между коммуникативными реализациями одного и того же значения в разных актах речи.

Важнейшим выводом, к которому пришла современная семасиология, является вывод о том, что «дискретность является одним из обязательных свойств языкового значения, определяющих системный характер языка» (Л.М. Васильев). В семасиологии возникает особый уровень анализа значения - семный (то есть на уровне сем, отдельных компонентов значения), в отличие от семемного (то есть на уровне семем, отдельных значений многозначного слова).

Исследование коммуникативного аспекта значения - область семной семасиологии, которая находится в процессе становления, не имеет еще пока установившегося категориального аппарата и достаточно подробной классификации своих объектов - семантических компонентов. Коммуникативный подход к анализу значения требует разработки ряда проблем семной семасиологии, к числу которых, в первую очередь, относятся проблема структурной неоднородности лексического значения, вопрос об уточнении понятия «семантический компонент» и разработка типологии семантических компонентов.

В диссертации рассматривается полевая концепция языка и выявляются основные признаки языкового поля. Выделенные признаки языкового поля прилагаются к понятию значения слова. Методологическое применение полевого принципа организации языка к значению показывает, что к лексическому значению могут быть применены признаки языкового поля, и значение, следовательно, может рас-

смагиваться как полевое явление. Важнейшим следствием из данного вывода является утверждение о наличии в значении слова ядра и периферии. Периферия представляет собой такой же полноправный компонент значения слова, как и ядро.

При рассмотрении проблемы типологии семантических компонентов в диссертации предлагается разграничивать мегакомпоненты, макрокомпоненты, микрокомпоненты (семы), семантические признаки, семные конкретизаторы и аспекты лексического значения.

Мегакомпоненты - максимально крупные составляющие значения. Лексический мегакомпонент значения характеризует денотат и отношение к нему говорящих. Внутривидовой мегакомпонент характеризует признаки и свойства слова как элемента структуры языка (грамматическая, функционально-стилистическая и др. информация).

Макрокомпоненты лексического значения отражают виды информации, передаваемой словом; они характеризуют отдельные стороны денотата или отношения субъекта к денотату. Макрокомпоненты выделяются тогда, когда они могут быть изолированы в структуре значения через семантические оппозиции лексических единиц. Основными макрокомпонентами значения являются денотативный и коннотативный (И.В.Арнольд).

Денотативный макрокомпонент значения, основной для большинства слов, представляет собой предметно-понятийную или чисто понятийную информацию, связанную с отражением внеязыковой реальности, объективной или субъективной.

Коннотативный макрокомпонент значения выражает отношение говорящего к предмету номинации в форме эмоции и оценки денотата.

Существует также факультативный макрокомпонент значения, характерный лишь для слов некоторых семантических разрядов. Этим компонентом является эмпирический макрокомпонент - обобщенное чувственно-наглядное представление о предмете номинации, входящее в структуру значения в качестве его составной части (С.Д.Кацнельсон, Л.О.Резников). В диссертации приводится естественно - научное обоснование наличия в значении слова эмпирического компонента: в пользу этого свидетельствуют рефлексологические эксперименты (А.В.Славин), исследования функциональной асимметрии мозга (Вяч. Вс. Иванов, В.З.Панфилов), данные изучения афазии (Т.В.Ахутина), исследования внутренней речи (А.Н.Соколов), данные нейрофизиологии (А.Н.Леонтьев) и др.

Эмпирический компонент присутствует в значениях конкретной лексики, в отвлеченных значениях он не выделяется. Эмпирический компонент играет большую роль в речи, он часто актуализируется, создавая наглядные образы в тексте.

Денотативный, коннотативный и эмпирический макрокомпоненты образуют лексическое значение слова.

Макрокомпоненты выделяют в своем составе микрокомпоненты - семы. Сема не обязательно является предельной, в ней могут содержаться другие, скрытые семы, которые обнаруживаются в определенных условиях употребления слова или могут быть выявлены специальным анализом. В структурном отношении сема членима: в ней выделяется семантический признак и семный конкретизатор.

Семантический признак представляет собой часть семы, общую у нее с другими семами. Например: семантический признак "форма" выделяется в семах "круглый", "прямоугольный", "квадратный" и др.; семантический признак "пол" в семах "мужской пол", "женский пол"; семантический признак "размер" в семах "большой", "маленький" и т.д.

Семный конкретизатор представляет собой часть семы, конкретизирующую семантический признак; это семантический "остаток", выделяющийся в семе за вычетом семантического признака. Семный конкретизатор отличает данную сему от другой, с тем же семантическим признаком. Например, в семе "громкость"

вычленяется семантический признак "звучание" и семный конкретизатор "интенсивность"; в семе "женский пол" - семантический признак "пол" и семный конкретизатор "женский" и т.д.

В структуре значения может присутствовать и автономный семантический признак, без семного конкретизатора. Например, в значении слова "человек" присутствует автономный семантический признак "возраст": человек обязательно характеризуется каким-либо возрастом, и это постоянный, неотъемлемый признак любого человека; однако какой-либо семный конкретизатор здесь полностью отсутствует. Аналогично, автономным семантическим признаком является признак "пол" в значениях слов *сирота*, *дылда*, *ребенок* и др. Набор семантических признаков для языка, видимо, практически исчислим. Представляется, что именно на пути исчисления семантических признаков лежит возможность достаточно адекватного описания системы семантических компонентов языка. Именно по семантическим признакам единицы образуют системы, ряды, группы, парадигмы и т.д. и в конечном итоге - лексическую систему языка.

Особое место в структуре значения занимает аспект значения - совокупность сем, отражающих объект номинации с одной стороны. Аспект объединяет в структуре значения такие семы, которые осмысляются в значении в одном плане. Основные аспекты, выделяемые для значений существительных, следующие: материально-вещественный, биологический, временной, пространственный, конструктивный, социально-психологический, функционально-деятельностный, утилитарный, общественно-значимостный и социально-культурный.

В реальной коммуникации сочетаемость слова отражает обычно определенный аспект значения. К примеру, слово «студент» реализуется в биологическом аспекте в сочетаниях типа студент спит, ест, растет, болеет, молодой и т.д.; в материально-вещественном аспекте - студент тяжелый, лежит, плавает, бледный, упал; в социально-психологическом - студент читает, говорит, учится, умный, дружит, веселый и др.

Для описания значения слова в речи необходима классификация сем, которые обнаруживаются в реализованном значении. В диссертации анализируются имеющиеся классификации сем (В.Г.Гак, Дж.Катц и Дж.Фодор, И.В.Арнольд, М.В.Никитин, Л.М.Васильев, Р.М.Гайсина и др.) и предлагается обобщенная классификация сем по ряду оснований, релевантных для описания значения в коммуникативном акте. Этими основаниями выступают следующие: отношение к системе языка; различительная сила; степень яркости; характер выявленности в значении; специфика содержания; отношение к акту речи.

По отношению к системе языка семы подразделяются на узуальные и окказиональные, системные и личностные. Узуальные семы входят в системное значение слова. Окказиональные семы присоединяются к значению только в акте речи, то есть наводятся в значении контекстом или ситуацией. Например:

Есть простая ложь, наглая ложь и *статистика*.

Окказиональными семами в значении слова "статистика" являются семы "лживость" и "крайняя степень".

Системные семы как известные всему языковому коллективу противостоят индивидуальным, личностным. Личностные семы присущи только индивидуальной лексической компетенции, но они тоже могут актуализовываться в коммуникативном акте. Например:

Виктория: ...Он только что *болельщик*, а так человек воспитанный, из Москвы приехал (А.Вампилов. Провинциальные анекдоты). Актуализируется личностная сема "не совсем нормальный".

В то время как системные семы являются общеизвестными компонентами значений, личностные существуют только в индивидуальной языковой компетенции носителя языка.

По различительной силе выделяются дифференциальные и интегральные семы, а также архисемы.

Архисема представляет собой наиболее общую сему лексического значения, относящую предмет номинации к определенному классу. Дифференциальные семы различают значения сравниваемых слов, а интегральные семы являются общими для значений группы слов.

По степени яркости различаются яркие и слабые семы. Яркие семы осознаются носителями языка как центральные для данного значения, они как бы лежат на поверхности языкового сознания. Такие семы в первую очередь приходят на память, легко формулируются на метаязыке; именно яркие семы в первую очередь перечисляет носитель языка, если его просят объяснить значение слова. Слабые семы уступают по яркости ярким семам. Ядерные семы обычно более яркие, чем периферийные.

По характеру выявленности в значении различаются эксплицитные и скрытые семы. Эксплицитные семы представлены в значении слова непосредственно, явно, они не содержатся в каких-либо других семах, наполняют структуру значения линейно, располагаясь в ней как бы одна за одной. Скрытые семы содержатся в других семах и наполняют значение слова "вглубь".

По характеру конкретного содержания выделяются постоянные и вероятностные семы. Постоянные семы отражают признаки, присущие объекту постоянно. Вероятностные семы отражают признаки, присущие объекту не всегда, а лишь с той или иной степенью вероятности.

Вероятностные семы могут отражать весьма существенные стороны объекта: функцию, применение, наличие характерных конструктивных особенностей и т.д. Вероятностные семы далеко не всегда отражены в словарных дефинициях, хотя определенная их часть находит лексикографическое отражение. В словарях эти семы обозначаются с применением таких единиц метаязыка, как "большей частью", "как правило", "часто", "чаще", "иногда", "реже", "в основном", "большинство", "обычно", "время от времени", "преимущественно" и т.д.

Вероятностный характер могут иметь не только денотативные, но и коннотативные семы.

По содержанию семы подразделяются также на ассертивные и диспозиционные. Ассертивные семы указывают на объективно присущие денотату признаки; диспозиционные семы отражают представления языкового коллектива о таком денотате, который мыслится как идеальный, лучший в своем роде. К примеру, в слове "мужчина" выделяются три основные ассертивные семы: "лицо", "мужской пол", "взрослый"; однако в коммуникативных актах и экспериментах с информантами в значении этого слова выделяются такие диспозиционные семы, как "высокий", "сильный", "смелый", "мужественный", "решительный" и др. Этими признаками языковое сознание наделяет идеального мужчину. Ср. примеры актуализации диспозиционных сем: *Эх ты, а еще мужчина! Ну разве ты после этого мужчина? А еще мужчина! Разве мужчина так поступает?* и др. Диспозиционные семы могут быть очень яркими в структуре значения.

Классификация сем по содержанию предполагает также выделение четких и нечетких сем. Четкие семы - это семы, содержание которых лишено субъективизма. Денотативные сферы четких сем четко разграничены, к примеру - "мужской пол" - "женский пол". Нечеткая сема имеет размытое, неясно очерченное содержание, и ее денотативная сфера может частично пересекаться с денотативной сферой другой семы с тем же семантическим признаком: нечеткие семы всегда допускают колебания, субъективизм в отнесении их к денотативной сфере - ср. семы роста, силы, возраста, размера и т.д. Нечеткие семы отражают переменные величины (Л.Заде).

Разграничиваются также позитивные и негативные семы. Позитивные семы отражают признак, наличествующий в денотате. Негативные семы указывают на

отсутствие в денотате тех или иных признаков. Подразделение сем на позитивные и негативные отражает реальное деление признаков на положительные и отрицательные (Е.К.Войшвилло). Негативные семы бывают двух типов - инклюзивные и эксклюзивные. Инклюзивные семы отрицают наличие отдельных конкретных признаков у предмета и выполняют в структуре значения дифференциальные функции. Например:

планер - *безмоторный* летательный аппарат тяжелее воздуха;

байдарка - узкая и легкая спортивная лодка *без уключин*;

тахта - широкий низкий диван *без спинки*;

кабарга - сибирское *безрогое* горное животное и т.д.

Эксклюзивные негативные семы, в отличие от инклюзивных, отрицают наличие всех признаков предмета, не совпадающих с тем, который отражен той или иной ассертивной семой; они образуют открытый ряд, сопровождая каждую позитивную сему, элиминируя открытый ряд других сем, которые могли бы появиться на месте данной в рамках того же семантического признака. Например:

Сын спит на диване, а мать спит на *сундуке*.

В слове "сундук" актуализируется ассертивная сема "предназначенность для хранения вещей" и негативная эксклюзивная сема "непредназначенность для сна".

По отношению к акту речи семы подразделяются на актуализованные и неактуализованные. Актуализованные семы входят в коммуникативно релевантный набор сем в акте речи; неактуализованные семы остаются нереализованными, не активизируются в коммуникативном акте.

В коннотативном макрокомпоненте значения выделяются семы эмоции и оценки. Оценочность и эмоциональность в структуре коннотации тесно связаны, но не совпадают, в то время как оценка может сопровождаться нулевым эмоциональным компонентом, эмоциональная сема всегда требует и соответствующей оценочной, так как всякая эмоция оценочна (В.И.Шаховский). Эмоциональные и оценочные семы могут быть постоянными и вероятностными, узуальными иokkaзиональными, системными и личностными.

Эмпирический макрокомпонент значения также имеет свою структуру, представляет собой определенный набор чувственных признаков. Эмпирические признаки, как и денотативные, могут быть актуализованы, а могут остаться нереализованными в значении.

Особую проблему семной семасиологии представляет проблема разграничения ядерных и периферийных сем в значении.

В диссертации рассматриваются различные критерии, предлагаемые лингвистами (Д.Н.Шмелев, Ю.С.Степанов, Б.Г.Гак, А.Греймас, Ю.Найда, В.Н.Телия, Е.М. Верецагин и В.Г.Костомаров, Г.Я.Солганик, В.В.Морковкин, И.В.Арнольд, Л.А. Киселева, М.В.Никитин, Д.С.Лихачев и др.) для разграничения ядра и периферии в значении, анализируется их эффективность. Предлагается в качестве приема разграничения использовать два признака ядерности семантического компонента: 1) сема обозначает постоянный признак предмета; 2) сема обозначает обязательный, неустранимый признак предмета (то есть такой, мысленное устранение которого из предмета лишает предмет возможности выполнять основную функцию или ведет к утрате предметом его качественной определенности).

Данные два признака тесно связаны друг с другом, но не совпадают: возможны семы, отражающие постоянные, но необязательные признаки предметов (Е.К. Войшвилло). Ядерными являются такие семы, которые удовлетворяют обоим классификационным критериям. Отсутствие хотя бы одного из признаков переводит сему в разряд периферийных.

Периферия значения неоднородна. Выделяются ближняя и дальняя периферия. Ближняя периферия включает семы, у которых отсутствует один из признаков

ядерности, а также периферийные семы, имеющие большую яркость, и сильновероятностные семы.

Дальняя периферия включает слабовероятностные семы, скрытые семы, эксклюзивные негативные семы. Всегда относятся к ядру значения архисема; вероятностные и диспозициональные семы всегда относятся к периферии значения.

Актуализироваться в акте речи могут как ядерные, так и периферийные семы, а в числе последних - принадлежащие как к ближней, так и к дальней периферии.

При рассмотрении проблемы метаязыка описания значения слова в коммуникативном акте показывается преимущество естественного языка как метаязыка семантического описания. В работе выдвигается и аргументируется принцип неединственности метаязыкового описания отдельного семантического микрокомпонента и семемы в целом.

Адекватность описания значения в коммуникативном акте может быть подтверждена некоторыми формальными процедурами. Предлагается ряд способов верификации выполненного семантического описания - прием вербальной экспликации актуализованных сем, прием развернутой синонимической субституции, прием обратного перевода.

Вводится понятие актуального смысла слова как совокупности коммуникативно релевантных сем в конкретном акте речи. Актуальный смысл слова представляет собой одну из возможных актуализаций значения, семный вариант значения - компетенции.

Обосновывается мысль о том, что всякая актуализация значения представляет собой его семное варьирование, то есть одну из возможных комбинаций сем, удовлетворяющую конкретной коммуникативной задаче. Семное варьирование значения является проявлением общей тенденции к варьированию, действующей в языке.

В речи значение подвергается воздействию ряда семных процессов, которые и обуславливают семное варьирование значения. Семными называются такие семантические процессы, которые действуют на уровне сем. В диссертации выделяются и описываются основные из этих процессов, действующие в коммуникативных актах.

Актуализация семы - коммуникативно обусловленное выделение семы в структуре значения, приводящее к восприятию ее участниками акта общения как коммуникативно релевантной, входящей в актуальный смысл слова.

В значении в разных коммуникативных условиях могут быть актуализованы разные семы:

Дай мне *иголку*, мне надо пришить пуговицу.

Актуализируются семы "заостренный металлический стержень с ушком для вдевания нити, употребляемый для шитья".

Черный металл - это *иголка* и сковородка, плуг и локомотив (В. Чивилихин. Память).

Актуализованы семы «предмет быта, предмет первой необходимости». Ночная молния вспыхнет - и все как на ладони. *Иголку*, и ту видно (Г.Марков. Моя военная пора). Актуализованы семы "предмет небольшого размера".

Смотрите, ваш ребенок схватил *иголку*!

Актуализованы семы "предмет, представляющий опасность, способный причинить боль".

В этот зазор даже *иголка* не пройдет.

Актуализованы семы "тонкий, заостренный, небольшого размера предмет" и т.д.

Возможна двойная актуализация семы, которая заключается в том, что актуализируемая сема может повлечь и актуализацию одноименной переносной семемы, непосредственно не присутствующей в коммуникативном акте. Например:

Родион не раз встречал на пожарах деревенских девчат, Они мнутя в разговоре, стесняются неизвестно чего, а эта совсем другая. Форменная *бритва* Молчит вот сейчас, ждет ответа, а, видать, уже настороже, чтоб тут же резануть (В.Чивилихин).

В значении своа "бритва" актуализована сильновероятностная сема «острая», которая, в свою очередь, актуализирует системное переносное значение одноименного прилагательного *острая* - "остроумная, язвительная", что и составляет актуальный смысл данного словоупотребления.

Усиление семы представляет собой изменение яркости семы в сторону ее повышения. Усиление приводит к тому, что та или иная сема в структуре актуализованного значения оказывается ярче по сравнению с другими семами, чем она была по отношению к ним в системном значении.

Ослабление семы представляет собой изменение яркости семы в сторону ее уменьшения. В структуре актуализованного значения усиление одних сем автоматически ведет к ослаблению других. Например: значение слова "штукатур" - "рабочий, специалист по штукатурке".

Штукатуры приступили к отделке помещения.

Актуальный смысл слова - "рабочие, специалисты по штукатурке", но сема "специалист по штукатурке" усилена, выступает как более яркая, а сема "рабочий" ослаблена.

Придет, поработает, допустим, *штукатуром*, короткое время пройдет, смотришь, а он уже сидит в кабинете с вывеской (В.Кожевников. Там, где нет ни пыли, ни мух).

В данном случае усилена сема "рабочий", актуализирована также периферийная сема "рядовая должность", а сема «специалист по штукатурке» выступает в ослабленном виде.

Расщепление семы представляет собой актуализацию в коммуникативном акте лишь части семы, то есть неполную актуализацию семы. Расщепляются эксплицитные семы: при этом часть эксплицитной семы, актуализирующаяся в коммуникативном акте, оказывается одной из скрытых сем данной эксплицитной семы. Скрытые семы в коммуникативном акте не могут выявиться непосредственно, а лишь через «этап» их вхождения в эксплицитные семы.

Например:

Ну, ты спринтер! (о человеке, быстро принимающем решения). Актуализируется сема "быстрота бега", которая расщепляется и актуализируется лишь ее часть - "быстрота".

Модификация семы представляет собой контекстуальное переосмысление содержания семного конкретизатора в рамках того или иного семантического признака.

Смысловая модификация семы заключается в переосмыслении конкретной информации, которую несет конкретизатор; модальная модификация - в приобретении семой контекстуального модального оттенка.

Смысловая модификация имеет место в следующем случае: А колхозное дело такое молодое и страшно необходимое. Все должны быть за нас. И старушки, и *женщины* (М.Шолохов. Поднятая целина).

Из темноты проступали лица девушек и *женщин* (М.Шолохов. Поднятая целина).

Семантический признак «возраст» в значении слова "женщина" представлен семным конкретизатором "взрослая"; однако в первом примере он осмысляется как "не старая"; а во втором - как "не очень молодая". В обоих случаях семный конкретизатор модифицируется, сема "взрослая" в значении слова "женщина" при этом не исчезает, а лишь подвергается коммуникативной модификации.

Модальная модификация иллюстрируется примером:

Как ты можешь так равнодушно относиться к сыну? Ты не отец! Диспозициональная сема "проявление заботы" модифицируется в «обязан, должен заботиться».

Конкретизация семы заключается в коммуникативной реализации абстрактной семы в виде конкретной аллосемы. В конкретизации нуждаются только семы определенной степени абстракции. Например, сема "способность к перенесению трудностей" реализуется в виде аллосемы "перенесение тяжелого физического труда", "способность к длительной изнурительной работе", "приспособленность к тяжелым климатическим условиям", "физическая сила", "способность нести большой груз" и т.д. Семы низкого уровня абстракции выступают в виде только одной вариации – ср. "одноместность", "четыреколесность", "наличие спинки" и т.д.

Поддержание семы заключается в вербальной экспликации актуализируемой семы в коммуникативном акте, что выступает как средство контекстуального усиления семы.

Экспликация заключается в использовании в коммуникативном акте слова или словосочетания, семантически эквивалентного отдельной актуализируемой семе, например:

Хотелось мне быть храбрым, хладнокровным, словом, *мужчиной* (А. Генатулин. Атака).

Поддерживаются семы "храбрый", "хладнокровный", актуализируемые в значении слова «мужчина». Данный семантический процесс особенно необходим слабым периферийным семам при их речевой актуализации.

Категоризация значения заключается в коммуникативно обусловленном выборе архисемы значения.

Наведение семы представляет собой процесс коммуникативного внесения семы актуальный смысл слова. Например:

- Я научу вас мыслить, лентяи! - кричала она. Лицо ее становилось малиновым.
- Я сделаю из вас *математиков*! (О.Астахова. Испанец Иванов). Наводятся семы «знающий», «квалифицированный».

Наконец, к ночи определили в поездку по обмену опытом животноводов Кукушкина Л.Л. и Кулешова А.В. При Кукушкине и Кулешове послали непьющего агронома Василькову (В.Орлов. Альтист Данилов). Наводится сема "пьющие".

Актуальные смыслы поддаются обобщению и типизации. Возможен, во-первых, нулевой актуальный смысл, то есть асемантическая реализация слова. Это происходит в случаях автонимного (Л.Тондл) употребления слова типа "рука – слово из 4-х букв", а также в случае немотивированного, чисто экспрессивного употребления слова (В.К.Харченко).

Нулевым актуальным смыслом противостоят реальные актуальные смыслы, то есть такие, которые представляют собой действительную актуализацию значения. Реальные актуальные смыслы подразделяются на дискретные и недискретные. У недискретного актуального смысла яркость всех сем одинакова, выделить какие-либо как коммуникативно-релевантные нельзя, например: Не *ребенок*, а горе.

Дискретные актуальные смыслы подразделяются на ядерные, ядерно-периферийные и периферийные - в зависимости от характера входящих в актуальный смысл сем. Данные типобразующие признаки позволяют выделить 15 типовых дискретных актуальных смыслов, описывающих основные семантические реализации слова в коммуникативных актах:

Ядерные актуальные смыслы

1. Актуализация ядра
2. Актуализация ядра с усилением архисемы
3. Актуализация ядра с усилением архисемы и дифференциальной семы
4. Актуализация ядра с усилением дифференциальной семы
5. Актуализация архисемы
6. Актуализация архисемы и дифференциальной семы
7. Актуализация дифференциальной семы

Ядерно-периферийные актуальные смыслы

8. Актуализация ядра с усилением архисемы и с периферийной семой
9. Актуализация ядра с усилением архисемы, дифференциальной семы и с периферийной семой
10. Актуализация ядра с усилением дифференциальной семы и с периферийной семой
11. Актуализация ядра с периферийной семой
12. Актуализация архисемы и периферийной семы
13. Актуализация архисемы, дифференциальной семы и периферийной семы
14. Актуализация дифференциальной и периферийной семы

Периферийные актуальные смыслы

15. Актуализация периферийных сем.

Существенное значение для описания значения слова в речи имеет разграничение традиционного и нетрадиционного употребления слова. Традиционное употребление - это реализация всего набора ядерных сем без периферии и каких-либо изменений в ядре (то есть актуальный смысл № I). Это основное употребление слова, которое обычно включает компоненты, отражаемые в словарных дефинициях толковых словарей. Остальные употребления (актуальные смыслы) являются нетрадиционными.

Глава 3. "Структура лексического значения слова в речи" содержит результаты коммуникативного описания существительных русского языка. Исследовались единицы следующих тематических групп: машины и механизмы; оружие и военная техника; средства передвижения; вещества и материалы; организации и учреждения; предметы и явления культуры; объекты и явления природы; растения; животные; географические и природные зоны; временные отрезки; части тела; болезни; общие названия лиц; названия лиц по профессии и роду деятельности; названия лиц по межличностным отношениям; названия лиц по социально-политическим признакам и нек. др. Лексические единицы названных тематических групп наиболее активно варьируют по семному составу в коммуникативных актах.

Разработанные принципы и приемы коммуникативного описания слова иллюстрируются на примере четырех укрупненных тематических групп: "Техника", "Объекты и явления природы", "Наименования лиц", "Имена собственные". В диссертации описываются нетрадиционные употребления слова, так как их коммуникативное описание представляет наибольшую трудность и является именно тем материалом, на котором можно наиболее эффективно проверить адекватность предлагаемых принципов и приемов описания.

Коммуникативное описание слов осуществляется через отнесение актуального смысла конкретного слова к одному из выделенных типовых актуальных смыслов и исчисление актуализованных сем с учетом действующих в коммуникативном акте семных процессов. Например:

1. Актуализация ядра значения (без периферии).

У костра сидели двое - *мужчина* и *женщина* (А.Толстой. Хмурое утро).

Актуализируются только ядерные семы - "взрослое лицо мужского пола" и "взрослое лицо женского пола".

2. Актуализация ядра с усилением архисемы.

Говорили о том, что с *трактором* он (Тарасов) как с живым человеком говорит, и тот его понимает (К.Екимов. Сено-солома). Усилена в составе актуализированного ядра архисема "неодушевленный предмет".

3. Актуализация ядра с усилением архисемы и дифференциальной семой.

(В командировку посылают молодого человека, хотя первоначально хотели послать девушку): поколебавшись, Аглая решила, что надо все же *парня*, чтобы хоть один *мужик* был (Вл. Маканин. Человек "свиты").

В составе актуализованного ядра усилены архисема "лицо" и дифференциальная сема "мужской пол".

4. Актуализация ядра с усилением дифференциальной семы. Покуда пахали на малосильном коняге, пашню бороздили только сверху, только верхний слой ее поднимали. А появился *трактор* - начали наизнанку выворачивать. Дескать, чем глубже, тем лучше (Ф.Абрамов. Дом).

В составе ядра усилена дифференциальная сема "мощный".

5. Актуализация архисемы.

(Поздравляют с повышением). - Какое повышение? Ну, как же? *Маршал* лошадиных сил всего Пекашина (Ф.Абрамов. Дом). Актуализируется архисема "начальник, руководитель".

6. Актуализация архисемы и дифференциальной семы.

Вот вам разница между сермяжной пехотой (она же царица полей) и теми *аристократами*, что на колесах (О.Смирнов. Неизбежность). Актуализируются архисема "лицо" и дифференциальная сема "привилегированность".

7. Актуализация дифференциальных сем.

- А как Гера Нариков сегодня стоял (на воротах)! - Да ты что: не Герка, а *скала*! (Г.Немченко. Проникающее ранение). Актуализируется дифференциальная сема "твердый", которая в результате двойной актуализации приводит к реализации семемы "прочный, надежный" прилагательного "твердый".

8. Актуализация ядра с усилением архисемы и с периферийной семой.

Трудности они в этих походах переживали настоящие, рюкзаки на себе тащили тяжеленные - куда геологам! У тех-то есть *вездеходы, вертолеты...*; а тут и еда, и спальные мешки, и палатки - все на горбу (А. Черноусов. Второй дом). Актуализируется ядро с усилением архисемы "средство транспорта" и с периферийной семой "облегчает перевозку тяжестей".

9. Актуализация ядра с усилением архисемы и дифференциальной семы и периферийной семой.

Подростком Сергей работал прицепщиком на взмете зяби и втихомолку мечтал о том, чтобы однажды переместиться с плуга на трактор (Г. Пряхин. День и ночь).

Актуализируется ядро с усилением архисемы "машина" и дифференциальной семы "самоходность" и с периферийной семой "технически сложная".

10. Актуализация ядра с усилением дифференциальной семы и с периферийной семой.

- Я у нас в Сибири зимой две-три недели проводил в лесу на охоте. Знаешь, какое это удовольствие? - Откуда мне знать. Я *садовод* (С.Цвигун. Ураган),

Актуализируется ядро с усилением дифференциальной семы "занимающийся садоводством" и актуализацией негативной эксклюзивной периферийной семы "не интересующийся, не занимающийся охотой".

11. Актуализация ядра с периферийной семой.

- Партизаны уже в пути. Им предстоит форсировать Гордынь. Каверзная речка. Днем вся в проталинах, а ночью по льду хоть *грузовик* переправляй (Н.Гамов. Задание выполнено).

Кроме ядра значения, актуализируется периферийная сема "тяжелый".

12. Актуализация архисемы и периферийной семы.

Но если наша сборная, пусть игра и не шла, была близка к тому, чтобы спасти первую игру, то чехословацкая в матче-реванше оказалась более покорной. И в первую очередь сдали *старослужащие* (Футбол-хоккей, 28.12.80). Актуализируются архисема "лицо" и периферийная сема "опытность".

13. Актуализация архисемы, дифференциальной и периферийной семы.

Она стояла, благоухая посреди комнаты в своей гипюровой кофточке, а вокруг возились, сопели, дымили табаком и винным перегаром послушные ей *тяжеловесы* (Р.Киреев. Подготовительная тетрадь).

Актуализируются архисема "лицо", дифференциальная сема "тяжелый вес" и периферийная сема "сильный".

14. Актуализация дифференциальной семы и периферийной семы. Надстройка крейсера - бронированная, в глыбах, *гора*, дымящая туманной вершиной (А. Проханов. Адмирал).

Актуализируются дифференциальная сема "крупный размер" и периферийная сема "внешние очертания" с эмпирическим семным конкретизатором.

15. Актуализация периферийной семы.

Жена. Фантастическая кара. Субтропики (А.Кургатников. Ракурсы).

Актуализируемая периферийная сема "высокая температура".

Выявляются основные различия в актуализации значения при прямой и переносной номинации: при прямом употреблении всегда актуализируется ядро значения (хотя оно и может подвергаться семным изменениям - усилению или ослаблению сем, и др.), в то время как при переносном употреблении ядро полностью никогда не актуализируется, а часто и не актуализируется совсем. В связи с этим разграничение прямого и переносного употребления слова является первым этапом коммуникативного описания значения.

Основными выводами, вытекающими из осуществленного коммуникативного описания русских существительных, являются следующие.

Установлено, что при прямом употреблении слова реализуются иные типовые актуальные смыслы, нежели при переносном: прямые нетрадиционные употребления укладываются в рамки актуальных смыслов № 2-4 и 8-10, переносный - в рамки смыслов 5-7 и 11-15. Многие тематические группы существительных имеют тенденции к семному варьированию либо преимущественно в условиях прямого, либо переносного употребления.

Обращает на себя внимание очень большая роль периферийных семантических компонентов при нетрадиционном употреблении слова, как прямом, так и переносном. В целом из зафиксированных в материале нетрадиционных прямых употреблений русских существительных на долю чисто ядерных актуальных смыслов (то есть не включающих периферийные семы) приходится всего 15%, остальные 85% приходятся на долю ядерно-периферийных смыслов.

При переносном нетрадиционном употреблении на долю ядерных, актуальных смыслов приходится 27% употреблений, 7% составляют ядерно-периферийные смыслы и 66% - чисто периферийные. Таким образом, периферийные семантические компоненты играют ведущую роль в коммуникативном варьировании лексического значения, в образовании нетрадиционных актуальных смыслов. Без периферии значения столь широкое семное варьирование слова было бы невозможным.

Установлено широкое семное варьирование значения в условиях прямой номинации, без переноса наименования.

В результате исследования выявлен набор семантических признаков, наиболее часто актуализирующихся в коммуникативных актах; их оказалось около 150 для существительных всех исследованных тематических групп. Эти признаки, по-видимому, отражают наиболее активную часть семного состава языка. Список выделенных семантических признаков приводится в диссертации; он может быть принят за основу при осуществлении инвентаризации семантических компонентов языка.

Важным выводом, вытекающим из проанализированного материала, является вывод о том, что значение слова несводимо к небольшому числу ядерных сем. Анализ значений слов в речи со всей определенностью показывает необходимость разработки

такой теоретической модели лексического значения, которая адекватно объясняла бы реальное коммуникативное поведение слова.

В *Заключении* подводятся основные теоретические итоги исследования.

В соответствии с поставленными задачами были разработаны теоретические принципы описания значения слова в речи и осуществлено практическое коммуникативное описание ряда тематических групп существительных русского языка.

Основными теоретическими принципами описания значения слова, осуществленными в работе, являются:

описание значения в терминах ядерных и периферийных семантических компонентов разных типов;

описание реализованного значения как результата действия особых семных процессов в структуре значения;

интегральный подход к лексическому значению, обладающий достаточной объяснительной силой для описания различных модификаций значения слова в речи.

Практическое описание значения слова в коммуникативном акте осуществлено в работе путем отнесения употребления слова к одному из выделенных 15 типовых актуальных смыслов и исчисление вошедших в них сем с учетом актуализованных, усиленных, модифицированных, расщепленных, наведенных и подвергшихся двойной актуализации ядерных и периферийных сем.

Обобщающим теоретическим итогом проведенного исследования является коммуникативная модель значения, которая формулируется на базе интегрального подхода к значению, а также как обобщение результатов практического описания коммуникативных реализаций существительных. Коммуникативная модель значения представляет собой модель, удовлетворяющую потребностям описания значения слова в коммуникативном акте; она не противоречит и парадигматическому описанию значения, развиваемому в традиционной семасиологии.

Коммуникативная модель лексического значения как теоретическое понятие может быть описана в виде развернутого набора теоретических допущений об основных, существенных свойствах значения. Эти допущения могут быть суммированы следующим образом:

1. Лексическое значение слова есть психическая реальность, локализованная в сознании человека и имеющая отражательную природу. Содержание значения отражает внеязыковую действительность.

2. Лексическое значение имеет интегральный характер, оно несводимо к небольшому количеству дифференциальных сем, отличающих данное значение от ограниченной группы противопоставленных ему в системе языка слов; оно включает многочисленные семантические компоненты, фиксирующие все признаки предмета номинации, отраженные общественным сознанием.

3. Лексическое значение по своему содержанию и характеру представляет собой разновидность знания о мире.

4. Значение и знание значения совпадают в едином, психическом феномене - значении-компетенции. Значение-компетенция одновременно является фактом индивидуального и общественного сознания, поскольку часть признаков предмета, отраженных индивидуальным сознанием, оказывается общей у всех носителей языка в силу совпадения их общественной и коммуникативной практика.

5. Лексическое значение слова членимо на компоненты, которые образуют структуру значения. В значении выделяются мега-, макро и микрокомпонента разных типов и разной степени сложности.

6. Лексическое значение характеризуется нелимитируемостью, выражающейся в принципиальной невозможности четко определить его границы и исчерпывающе исчислить образующие его структурные компоненты.

7. Структура значения слова организована по принципу поля. Компоненты значения распределяются между ядром и периферией.

8. В коммуникативном акте реализуется определенная часть значения, релевантная для конкретных коммуникативных целей. Данная совокупность сем определяется как актуальный смысл слова. Полностью значение-компетенция ни в одном акте речи не актуализируется, так как ни в одной коммуникативной ситуации не могут быть коммуникативно релевантными все общественно познанные признаки предмета одновременно.

9. Всякое употребление слова в речи есть семное варьирование его системного значения, осуществляемое под действием особых семных процессов. Варьирование выступает как имманентное свойство лексического значения, необходимое условие его функционирования. Варьирование может осуществляться как при прямом, так и при переносном употреблении слова.

10. Структура лексического значения подлежит лингвистическому описанию в двух аспектах - как явление компетенции и как актуализованное значение в акте речи (актуальный смысл). Описание структуры значения слова в коммуникативном акте осуществляется на базе описания значения как факта компетенции.

В диссертации делается вывод о том, что традиционное описание слова на современном этапе становится уже недостаточным, требует уточнения и развития. Это, однако, не предполагает отказа от традиционных описаний слова. Более того, коммуникативное описание слова возможно только на базе «докоммуникативного», системного его описания.

Коммуникативный анализ слова, как и коммуникативный подход в лингвистике в целом, ставит на повестку дня вопрос о проверке традиционного системного описания языка на его коммуникативную релевантность. Вклад коммуникативной лингвистики в общую теорию языка в том, что она призвана дополнить и углубить традиционное системное описание языка, расширив и одновременно скорректировав модель языковой системы с учетом ее реального функционирования в речи. Коммуникативный подход к языку сохраняет преемственность с традиционным системным подходом, не представляя собой отрицание последнего или оппозицию ему.

Дальнейшие исследования в области коммуникативной лексикологии и разработка коммуникативной модели лексического значения слова будут способствовать углублению научных представлений о лексическом значении слова.

Результаты диссертационного исследования докладывались на:

региональной конференции по взаимодействию уровней языка (Воронеж, 1977);

6-м всесоюзном симпозиуме по психолингвистике и теории коммуникации (Москва, 1978);

региональном семинаре по общему языкознанию Северо-Кавказского научного центра (Пятигорск, 1978);

региональной конференции преподавателей кафедр русского языка по проблемам грамматики и семантики (Тамбов, 1978);

региональной конференции по проблемам экспрессивности (Новосибирск, 1979);

региональной конференции по проблемам системных отношений и сочетаемости единиц разных уровней (Орел, 1979);

региональной конференции по методологическим проблемам наук в вузе (Воронеж, 1980);

региональной конференции по проблемам семантики романских и германских языков (Воронеж, 1980);

всесоюзной конференции по проблемам стилистики (Пермь, 1980);

международном симпозиуме МАПРЯЛ по лингвострановедению (Воронеж, 1980);

региональной конференции по проблемам синонимических отношений в языке (Ижевск, 1982);

региональной конференции по проблеме национального и интернационального в развитии языков (Иваново, 1982);

VII всесоюзном симпозиуме по проблемам психолингвистики и теории коммуникации (Москва, 1982);

региональной конференции по проблемам методологии и методики лингвистических исследований (Воронеж, 1982);

III региональной конференции по проблемам теории русского словообразования (Казань, 1983);

региональном совещании по проблемам психосемантики иностранного языка (Пятигорск, 1983);

региональной конференции по исследованию взаимодействия языковых единиц в тексте (Ленинград, 1983);

региональном совещании по проблемам формирования мировоззрения в учебном процессе (Воронеж, 1983);

всесоюзной конференции по проблемам сочетаемости и ее лексикографического отражения (Харьков, 1983);

региональной конференции по лингвострановедческому аспекту в обучении иностранных студентов технических вузов (Воронеж, 1983);

всесоюзной конференции по проблемам стилей языка и стилей речи (Орджоникидзе, 1983);

международном симпозиуме МАПРЯЛ по проблемам аспектности в подготовке преподавателей русского языка как иностранного (Москва, 1983);

региональном семинаре Северо-Кавказского научного центра по лингвистике речи (Ростов-на-Дону, 1984);

региональной конференции по проблемам современной и исторической лексикологии (Свердловск, 1984);

летней лингвистической школе по проблемам экспрессивности (Ростов-на-Дону, 1984);

всесоюзной конференции, посвященной проблемам изучения коммуникативных единиц языка (Москва, 1984);

- III всесоюзном симпозиуме по психолингвистике и теории коммуникации (Москва, 1985).

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях:

1. Проблемы анализа структуры значения слова. - Воронеж: Изд-во ВГУ, 1979. - 156 с. Рецензии: «Филологические науки», 1980, № 6, с.89-90; «Русский язык в школе», 1982, № 6, с. 92-94; «Мовознавство», 1982, № I, с. 76-78.

2. Лексическая система языка. - Воронеж: Изд-во ВГУ, 1984. - 147 с. (в соавторстве с З.Д. Поповой). Рецензия: «Русский язык в школе», 1985, № I, с.103.

3. Лексическое значение слова в речи. – Воронеж, Изд-во ВГУ, 1985. - 170 с. Рецензия: «Филологические науки», 1986, № 2, с.87-68.

4. Принципы выделения семантических классов в системе языка // Вопросы структуры и семантики германских и романских языков. - Воронеж, 1975. - С.39-45.

5. Ситуативные компоненты в семантике глаголов перемещения // Вопросы преподавания русского языка иностранным учащимся.- Воронеж, 1976. - С. 49-54.

6. К проблеме системной организации лексики // Лексико-грамматические связи в структуре языка. - Воронеж, 1976. - С. 44-49.

7. Соотношение семантических и грамматических классов в лексико-семантической системе языка // Семасиология и грамматика. - Тамбов, 1977. - С. 46-48.

8. О семиотическом подходе к языку // Методы и приемы научного анализа в филологических исследованиях. - Воронеж, 1978. - С. 7-13.

9. Системное значение как обобщение контекстуального употребления слова // Функционирование языковых единиц в контексте.- Воронеж, 1978. - С.16-20.
10. Свободные ассоциации слова и изучение лексики //Школьная и научная грамматика. - Воронеж, 1979. - С. 86-92.
11. О выделимости компонентов в структуре значения слова. Депонировано в ИНИОН АН СССР, № 3013 от 23.01.79. 7 с.
12. Значение слова и принцип наглядности в обучении // Актуальные проблемы методики преподавания филологических дисциплин в высшей школе, - Воронеж, 1979. - С. 96-100.
13. Эмпирический компонент в значении слова // Сопоставительно-семантические исследования русского языка. - Воронеж, 1979. - С. 5-10.
14. К определению понятия "системное значение слова" / Тезисы докладов зонального совещания "Системные отношения и сочетаемость единиц на разных уровнях языка". - Орел, 1979. - С. 21-23.
15. До поняття оемантичного класу // Питання романо-германської філології та методики викладання іноземних мов. - Київ, 1979. - Вип.5. – С.84-67 (в соавторстве).
16. Из наблюдений над вероятностными семами в значении слова // Сопоставительно-семантические исследования русского языка.- Воронеж, 1980. - С.14-20.
17. Теория отражения и ее значение для языкознания // Методология наук и формирование научного мировоззрения в учебном процессе, - Воронеж, 1960. - С. 84-87.
18. Употребление слова и его перевод //Актуальные проблемы теории и практики перевода научно-технической литературы. Тезисы докладов и сообщений зональной научно-технической конференции. - Орел, 1981. - С. 68.
19. Значение и актуальный смысл слова // Семантические категории сопоставительного изучения русского языка. - Воронеж, 1981.- С. 11-20.
20. Актуализация сем и выразительность текста / Актуальные проблемы лексикологии и словообразования. - Новосибирск, 1980.- С.58-70.
21. Психологически реальное значение слова и его изучение // Психологические исследования в области лексики и фонетики, - Калинин, 1981. - С. 116-123.
22. О соотношении понятий "системное значение", "смысл", "употребление" в семасиологии // Проблемы словообразовательной и семантической структуры слова в германо-романских языках. - Горький, 1981. - С. 33-40.
23. Семантическое варьирование слова в художественном тексте // Тезисы докладов научно-методической конференции "Проблемы научно-технической терминологии". - Владивосток, 1981. - С. 77-79.
24. Коммуникативная функция и семантическая специфика слова в художественном тексте // Коммуникативная и поэтическая функция художественного текста. - Воронеж, 1982. - С. 35-43.
25. Варьирование лексического значения при сохранении референтного тождества знака // Тезисы докладов всесоюзной конференции "Задачи изучения русской лексики и фразеологии в высшей и средней школе". - Орел, 1982. - С. 127-129.
26. Компоненты значения и обучение лексику// Русский язык для студентов-иностранцев. – М.: «Русский язык», 1982. - Вип. 21. С. 31-39.
27. Лексическое значение и энциклопедическое знание // Аспекты лексического значения. - Воронеж, 1982. - С.10-18.
28. Актуальный смысл слова и контекст // Функционирование языковых единиц в контексте. - Воронеж, 1982. - С.130-134.
29. Периферийная семантика слова и национально-культурная специфика общения // Тезисы УП всесоюзного симпозиума по психолингвистике и теории коммуникации. - Москва, 1982. - С.105-107.

30. Теория отражения и лингвистическая семантика// Методология наук в системе вузовского преподавания. - Воронеж, 1982. - С. 249-259.
31. Из наблюдений над окказиональными семами в значении слова // Лексические и грамматические компоненты в семантике языкового знака. - Воронеж, 1983.- С. 21-27.
32. Типизированное представление в структуре значения языкового знака в условиях разных культур// Психолингвистические исследования в лексике и фонетике. - Калинин, 1983. - С.140-148.
33. О семантических компонентах, определяющих сочетаемость слова // Термин и слово. - Горький, 1983. - С.126-133 (в соавторстве).
34. Об основных понятиях семантического анализа многозначного слова // Лингвистический анализ в школе и вузе. - Воронеж, 1983. - С. 64-72.
35. Переносное значение и переносное употребление слова // Аспекты семантического изучения германских и романских языков. Воронеж, 1983. - С.143-148.
36. Экспрессивное употребление слов тематической группы «огонь» в лирике А.Блока // Экспрессивность лексики и фразеологии.- Новосибирск, 1983. - С.78-84.
37. Речевая экспрессивность слова (семантическое варьирование слова в художественном стиле) // Краткое содержание докладов и сообщений на всесоюзном координационном совещании «Стили языка и стили речи как явление функционально-речевой дифференциации».- Орджоникидзе, 1983. - С.115.
38. Специальные термины в неспециальных текстах и их понимание читателем // Лексика и словообразование русского языка. - Рязань, 1982. - С. 65-76.
39. О трех видах экспрессивности слова // Структура лингвостилистики и ее основные категории. - Пермь, 1983. - С.123-128.
40. Национально-культурные компоненты в структуре значения слова // Лингвострановедческий аспект в преподавании русского языка как иностранного. - Воронеж, 1984. - С.140-145.
41. Лексическое значение слова в коммуникативном аспекте // Актуальные проблемы современной и исторической лексикологии. Тезисы докладов и сообщений XX зональной конференции кафедр русского языка вузов Урала. - Свердловск, 1984. - С. 66.
42. Опыт описания национально-культурной специфики слова // Психологические и лингвистические аспекты проблемы языковых контактов. - Калинин, 1984. - С. 57-68 (в соавторстве).
43. К проблеме развития лексических значений слова // Семантические процессы в системе языка. - Воронеж, 1984. - С. 9-18 (в соавторстве).
44. Национально-культурная специфика слова и ее проявление в художественном тексте // Русский язык для студентов-иностранцев.- Москва, 1984. - Вып. 23. С. 99-110 (в соавторстве).
45. Системное значение слова и его реализация в речи // Экспрессивность на разных уровнях языка. - Новосибирск, 1984. – С.66-73.
46. О выявлении национально-культурной специфики семантики слова // Национальное и интернациональное в развитии языков. - Иваново, 1984. - С. 3-10.
47. Восприятие значения в речевом сообщении // Материалы УШ всесоюзного симпозиума по психолингвистике и теории коммуникации.- М., 1985. - С. 60-62.
48. Экспериментальное выявление периферийных сем роста, силы, размера в значении существительных // Психолингвистические исследования. Лексика. Фонетика. - Калинин, 1985. - С.14-18.
49. Ядро и периферия в лексическом значении слова // Семантические категории языка и методы их изучения. Тезисы сообщений.- Уфа, 1984. - Ч.II. - С. 8I.
50. Национально-культурные особенности денотативного компонента значения // Семантическая специфика национальных языковых систем. - Воронеж, 1985. - С. 68-73 (в соавторстве).

51. Национально-культурные особенности денотативного компонента значения // Семантическая специфика национальных языковых систем. - Воронеж, 1985. – С. 68-73 (в соавторстве).
52. Структура лексического значения и сочетаемость единицы // Семантическая специфика национальных языковых систем. - Воронеж, 1985. – С.101-106 (в соавторстве).
53. Заключение // Семантическая специфика национальных языковых систем. – Воронеж, 1985. - С.160-163 (в соавторстве).
54. Семантическое варьирование и семантическая деривация // Межвузовская научная конференция «Деривация и история языка». Тезисы докладов. - Пермь, 1985. - С.47-48.
55. О семантическом компоненте, регламентирующем сочетаемость слова // Сочетаемость русских слов как лингвистическая и методическая проблема. Материалы для преподавания. - М.,1983. - С. 257-258.
56. Разграничение прямого и переносного употребления слова // Семантика и системность языковых единиц. - Новосибирск, 1985. - С.47-56.
57. Описание лексического значения и «принцип айсберга» // Принципы и методы исследования единиц языка. - Воронеж, 1985. - С.43-50.
58. Структура лексического значения в условиях билингвизма // Взаимодействие языков и проблемы его изучения. - Элиста,1985. - С.65-75.
59. Семантика слова в коммуникативном акте // Известия Северо-Кавказского научного центра высшей школы. Общественные науки. -1985. - № 2. - С.67-70.
60. Ассоциативный эксперимент и анализ структуры лексического значения // Текст и культура: общие и частные проблемы. – М.: ИЯ АН СССР, 1985. - С.77-83.
61. Экспериментальное исследование семантики английских и русских наименований лиц // Психолингвистические проблемы семантики и понимания текста. - Калинин, 1986. – С.31-37.

Языковой статус имени собственного (в сопоставлении с термином)

Проблема разграничения собственных имен и терминов далеко не всегда проста. Как собственные имена, так и термины имеют ряд общих черт, затрудняющих их разграничение. Действительно, как следует определить «солнце» - как термин, к примеру, астрономии, или как имя собственное, название нашего светила? Проблема соотношения между терминами и именами собственными усложняется еще и наличием номенов (номенклатурных знаков), занимающих, по мнению некоторых исследователей, промежуточное положение между терминами и собственными именами⁸.

Рассмотрение особенностей имени собственного в противопоставлении термину позволяет, как будет показано ниже, не только разграничить их, но и выделить существенные признаки как термина, так и имени собственного.

Термин, который определяется как языковой знак, выражающий какое-либо понятие в системе понятий определенной области науки и техники⁹, представляет собой разновидность слов, принадлежащих к квалификативным знакам и, как таковой, он характеризует денотат по его существенным, постоянно присущим ему признакам. Значение термина целиком состоит из ядерных сем, в нем нет периферийной части

⁸ Лейчик В.М. Номенклатура – промежуточное звено между терминами и собственными именами // Вопросы терминологии и лингвистической статистики. - Воронеж, 1974.

⁹ Климовицкий Я.А. Некоторые вопросы развития и методологии терминологических работ в СССР. - М.-Л., 1967. С.34.

значения. Отсутствует у большинства терминов и эмпирический макрокомпонент значения - представление, входящее в значение на правах его компонента¹⁰.

Если термин называет предмет, подводя его под класс, имя собственное называет предмет, выделяя его из других. Собственное имя выполняет в языке прежде всего дифференциальную функцию.

Подчеркивание дифференциального характера имени собственного не означает, однако, что у него нет своего системного значения, как утверждают некоторые авторы¹¹. Возражая такой точке зрения, Холгер Стин Серенсен справедливо отмечает: «Если бы имена собственные не имели значения, то было бы возможно экстралингвистической сущности А являться денотатом имени собственного, скажем, Лондон, не удовлетворяя определенному набору условий, что, естественно, в действительности не наблюдается: ...А обозначается именем Лондон если и только если А удовлетворяет условиям: являться столицей и быть расположенным в Англии»¹².

Имя собственное имеет свое системное значение, но особенность этого значения заключается в том, что оно включает чрезвычайно бедный набор ядерных сем; основное содержание значения имени собственного - периферийные семы и эмпирический макрокомпонент значения. «На уровне лексики семантика имени собственного сводится лишь к тому, что это имя собственное; имя включается в одно общее нерасчлененное ономастическое поле, входящее в комплекс семантических полей. Это поле может быть разделено на более частные в связи с объектной отнесенностью имен: антропонимические, топонимические и т.д. в соответствии со сферами, на которые мы делим ономастическое пространство»¹³.

Так, системное значение имени Солнечногорск включает семы «ономастичность» (сема принадлежности слова к разряду собственных имен), «населенный пункт», «русский»; имя Смирнов – «ономастичность», «мужчина», «русский». По этим признакам имена собственные объединяются в семантические группы. Аналогичной абстрактностью значения обладают и многие абстрактные квалификативные знаки, например: клиент, пассажир, я, ты, он, больной, подросток, пища, здесь, потом и т.д.

Если абстрактный квалификативный знак имеет целью отнести денотат к классу, то имя собственное дифференцирует не денотаты, а референты.

Вследствие различия прагматических функций, выполняемых в речи, квалификативные знаки и собственные имена по-разному реализуют в речи свои системные значения.

Когда проводник объявляет: «Пассажиры, будьте осторожны, поезд отправляется», мы имеем конкретных референтов слова «пассажиры» и в то же время характеризуем их обобщенно как «лиц, совершающих поездку на транспорте». Кваликативный знак сохраняет свои отвлеченные семантические признаки. Когда же мы говорим «Вчера я встретил Смирнова», мы имеем конкретного референта знака «Смирнов», но передаваемая информация при этом сводится к некоторой совокупности знаний о Смирнове, общих для говорящих людей и позволяющих им идентифицировать предмет речи и выделить его среди других предметов окружающей действительности. Это - периферийные семы значения собственного имени. Ядерные признаки «мужчина», «русский» и т.д. в таких случаях отступают на задний план.

Встает вопрос о том, что значит знать значение имени собственного. Знаем ли мы значение слова Смирнов, зная, что человек, мужчина, русский? Зная, к примеру, что соляная кислота - это соединение одного атома водорода и одного атома хлора, а пассажир - человек, совершающий поездку на транспорте, мы можем утверждать, что

¹⁰ Стернин И.А. Лексическое значение слова в речи. - Воронеж, 1985.

¹¹ Зинин С.И. Контекстуальное значение собственных имен // Научн.труды Ташкентского ун-та. -1969. - Вып. 359. С. 25.

¹² Holger Steen Sorensen. The Meaning of Proper Names. Copenhagen, 1963. P. 51.

¹³ Суперанская А.В. Общая теория имени собственного. - М., 1973. С. 281.

мы знаем значения этих единиц, так как нам известен минимум ядерных признаков слова. О слове Сидоров этого сказать нельзя: далеко не всякий единичный русский мужчина может быть назван знаком Сидоров. Знание значения имени собственного предполагает в первую очередь знание его семантической периферии - признаков единичного референта, именем которого данное слово является. Аналогично, мы не знаем значения слова «ноксирон», зная лишь, что это - «что-то из медицины» или что это медицинский препарат. В этом случае мы знаем лишь архисему значения слова. Однако для таких квалификативных знаков этого часто вполне достаточно для приблизительного понимания слова, а часто и для его более или менее правильного употребления; для имени же собственного этого недостаточно. Бывают случаи, когда известна только наиболее абстрактная сема - для имени собственного это сема «ономастичность»; тогда нельзя даже по предъявлении слова определить, к какой лексико-семантической группе собственных имен принадлежит данная единица: например - Страхов, Козлов - город или фамилия, «Нежность» - кафе, песня, ансамбль?

Набор собственных имен, который находится в распоряжении человека, включает: территориальные имена; имена, свойственные кругу общения человека; небольшое количество общеизвестных имен (количество и состав последних зависит от многих экстралингвистических факторов). Собственные имена обозначают единичные объекты, но далеко не все такие объекты встречаются в практике конкретного человека, следовательно, не все собственные имена, существующие в языке, нужны человеку; в целом, сфера их применения гораздо уже, чем квалификативных знаков. Вследствие этого, человек всегда знает гораздо больше квалификативных знаков, чем собственных имен, поскольку первые нужны для классифицирующей деятельности абстрактного мышления, а именами собственными человек оперирует только в повседневной практике, идентифицируя и дифференцируя предмет речи в процессе общения.

Обнаруживается существенная черта, сближающая термин и имя собственное - их функциональная ограниченность. Как термин, так и имя собственное прочно привязаны к определенной языковой микрогруппе.

Для существования имени собственного первостепенное значение имеет так называемое социальное поле. «С социологической точки зрения социальное поле представляет собой социальную группу (группу лиц, совместно живущих, связанных друг с другом совместными социальными отношениями); с лингвистической точки зрения - социальный диалект с его специфическим словарем, в полном объеме понятном лишь членам данного социума»¹⁴.

Имя собственное функционирует только в каком-либо социальном поле, только в нем оно имеет то или иное значение. Только функционированием имени собственного в строго определенном социальном поле объясним тот факт, что многие люди носят одинаковые фамилии (к примеру, в Москве 10 000 человек - Ивановы Иваны Ивановичи): каждый из них существует в своем социальном поле, и члены данного социума его ни с кем не путают. Как отмечает П.И.Визгалов, такие имена не смешиваются потому, что одноименные объекты существуют в головах разных людей¹⁵. Если же в одном социальном поле оказывается, к примеру, несколько Людмил, то они дифференцируются: ср. - Люда, Мила, Людмила; Николай первый и Николай второй, Таня большая и Таня маленькая и т.д.

Функционирование термина тоже ограничено определенным социумом, профессиональным коллективом или профессиональным кругом - то есть, тоже фактически социальным полем, хотя и несколько другого рода, чем у имен собственных. За пределами своего поля термины неизвестны людям, за исключением

¹⁴ Суперанская А.В., с. 282.

¹⁵ Визгалов П.И. О соотношении имен собственных и единичных понятий // Учен. зап. Елабужского ГПИ. -1959.- Т.4. С. 40

наиболее распространенных (то же, кстати, можно сказать и об именах собственных - всегда есть группа имен, известных всем).

Термины понятны и однозначны только в пределах своего поля; за пределами его зачастую слово-термин имеет нетерминологическое значение. Функциональная связанность термина - характерная его черта, отличающая его от других квалификативных знаков и сближающая его с именами собственными.

Интересно, что существует и ряд квалификативных знаков, которые в определенных социумах могут фактически приобретать статус собственных имен и становиться своеобразными синонимами собственных имен: командир, капитан, директор, начальник и т.д.

При рассмотрении отношений между терминами и собственными именами необходимо также указать на наличие номенклатурных единиц, а также товарных знаков¹⁶.

Четкое противопоставление номенов товарным знакам проводит А.В.Суперанская: «Номены - это нарицательные обозначения единиц, входящих в ведение той или иной науки. Номены отличаются от собственных имен ...тем, что одно название дается всем особям, конституирующим данную единицу, а не каждой особи в отдельности. ...Товарные знаки, т.е. особые обозначения марок товаров, а также различных видов бытовых услуг, возникли в сфере производства и торговли. По своим лексическим характеристикам они похожи на номены, а также на сортовые и фирменные названия. Их отличие от номенов лежит в сфере их применения. Если номены - это слова, обозначающие предметы, с которыми имеет дело наука и техника, то товарные знаки - это слова, обозначающие предметы, которые поступают к потребителю»¹⁷.

И далее: «Теснейшее соединение товарных знаков с предметными признаками товаров - основная черта, не позволяющая причислять их к собственным именам... Тесная связь товарных знаков с предметами (не как с отдельными единицами, а как с носителями известных свойств) обеспечивает легкость их перехода на правах имен нарицательных в бытовую лексику, а также в различные профязыки (ср. Чистить зубы поморином; Сшить платье из радуги)¹⁸».

Приведем некоторые примеры: кислота - термин; азотная, соляная, серная кислота - номены; легковой автомобиль - термин; ГАЗ-24, ВАЗ-21011- номены; «Волга», «Жигули», «Запорожец» - товарные знаки; шоколадная конфета - термин; «Красная Шапочка», «Кара-Кум», «Мишка косолапый» - товарные знаки; ТУ-104, ТУ-134, ТУ-154, ТУ-144 - номены (единого термина для самолетов марки ТУ нет).

Один и тот же товарный знак может обозначать товары, качественно или конструктивно несколько отличающиеся друг от друга: «Жигули» является общим товарным знаком для нескольких моделей, обозначаемых разными номенами. Один и тот же номен может получить разные товарные знаки: «Жигули» для внутреннего рынка, «Лада» - на экспорт; телевизор «Воронеж» после передачи производства этой модели с воронежского завода на минский завод получил товарный знак «Неман» и т.д.

Номен выражает конкретное, весьма содержательное видовое понятие: ГАЗ-24 - это понятие автомобиля со строго определенными конструктивными особенностями, но это понятие не закреплено за одним предметом; таких предметов много - серия. В плане языковых функций номен служит для дифференциации объектов, с которыми имеет дело та или иная отрасль науки или техники. Номен близок к термину.

Товарные знаки по характеру значения стоят ближе к именам собственным, чем номены, так как в их значении преобладает эмпирический компонент. Так, для

¹⁶ В указанной интересной и содержательной статье В.М.Лейчика разграничение номенов и товарных знаков, к сожалению, не проводится.

¹⁷ Суперанская, с.210-211.

¹⁸ Там же, с. 212.

подавляющего большинства носителей языка «Кара-Кум» отличается от «Мишки косолапого» вкусом и оберткой; «Волга» от «Жигулей» - внешним видом и т.д.

Подводя итог рассмотрению функций и значения имени собственного в сопоставлении с термином и другими сходными явлениями, можно представить соотношение между этими единицами в виде следующей таблицы (единицы расположены по степени отличия):

Слово	Функция	Значение
Имя собственное	Дифференциальная	Преимущественно периферийные семы, эмпирический компонент
Товарный знак	Дифференциальная	Преимущественно эмпирический компонент
Номен	Дифференциальная	Ядерные семы
Термин	Классифицирующая	Ядерные семы

Возвращаясь к началу статьи, в свете рассмотренного выше можно так классифицировать единицы «Солнце», «болезнь Боткина» и «Жигули»: «Солнце» - имя собственное; «болезнь Боткина» - номен; «Жигули» - товарный знак.

*Опубликовано в:
Семантика номинативных единиц языка. (Сборник).
Депонировано в ИНИОН АН СССР,
№ 31300 от 3.8.1987 г.*

«Язык смысла» А. Платонова

*Некуда жить, вот и думаешь в голову.
А. Платонов. Котлован*

Язык А. Платонова лежит вне возможностей традиционного описания «языка писателя» - столь он своеобразен и экспрессивен. В данной статье на материале повести «Котлован» предпринимается попытка рассмотрения особенностей языка А. Платонова с точки зрения современных психолингвистических представлений о механизмах речепорождения. Выдвигается гипотеза о том, что своеобразие языка Платонова, необычность сочетаемости лексем в его тексте и возникающая как следствие яркая экспрессивность его текста обусловлены особым типом речепорождения, свойственным коммуникативному мышлению писателя и никем фактически в русской литературе, кроме него, не использованным.

К примеру, возьмем такие фразы:

Некуда жить, так и думаешь в голову.
Земля состоит не для зябнущего детства.
Он накапливал энтузиазм несокрушимого действия.
Получилась мысль жалости.
Стоял с робостью перед глазами шествия детства.
Слишком смутно и тщетно было вокруг.

Приурочить все свои скрытые силы на угождение колхозному разворачиванию.
 Принести пользу всему неимущему движению в колхозное счастье.
 Болит живот от страха такого имущества.

Вся прелесть этих фраз в их абсолютной смысловой понятности, сочетающейся с колоссальной экспрессивностью, формально обусловленной вроде бы необычной сочетаемостью слов - все время хочется воскликнуть: «Так не говорят, но как здорово сказано!».

Как мы постараемся показать, в подавляющем большинстве случаев экспрессивность платоновской номинации обусловлена приблизительностью этой номинации на последнем этапе порождения высказывания, а нарушения сочетаемости - лишь следствие, речевое проявление этой тенденции.

Приблизительность номинации на последнем этапе речепорождения высказывания - вот доминантная черта языка Платонова, основа экспрессивности номинации и неповторимости его стиля. Поскольку приблизительность номинации - сугубо индивидуальная номинативная стратегия (прогнозировать, выводить какие-либо закономерности конкретного направления такой номинации невозможно, она отражает ситуативную речемыслительную деятельность субъекта речи в процессе речепорождения), то имитировать язык Платонова и тем более пародировать его оказывается практически невозможным.

Современная психолингвистика установила, что мышление невербально, осуществляется в форме специального универсального предметного кода (Л. С. Выготский, Н. И. Жинкин, И. Н. Горелов). Единицы этого кода, на котором и осуществляется мышление человека, в процессе речепорождения перекодируются в промежуточный код, а затем - в вербальный (словесный) код национального языка. Универсальный код у каждого человека сугубо свой, личный, мыслительные концепты - тоже, а через механизм кодовых переходов индивидуальные концепты выражаются в форме общего для собеседников языка и становятся доступными другим людям.

На последнем этапе - перекодирование концептов в единицы национального языка - коммуникатор подбирает для порожденных им в УПК концептов те или иные лексемы, имеющие в языке значения, соответствующие концептам, которые ему необходимо выразить. При отсутствии в языке адекватных авторскому замыслу лексем используются словосочетания, переносные номинации, авторские окказиональные единицы.

Теоретически возможно неполное завершение этапа речепорождения: семантический замысел, сформированный в УПК, перекодируясь в единицы промежуточного кода, а затем - в единицы национального языка, не завершается окончательным подбором адекватных лексем национального языка. Адекватные лексемы должны совпадать по своей семантике с концептом коммуникатора и при этом сочетаться друг с другом в своих системных значениях по законам синтаксической системы языка, а такие лексемы могут быть не найдены коммуникатором в известном ему репертуаре языковых единиц. В таком случае коммуникатор использует приблизительно подходящие, по его мнению, единицы. Именно данное явление, по нашему мнению, имеет место в речетворчестве А. Платонова.

Специфика речемыслительной деятельности А. Платонова в том, что он часто подбирает для своих концептов лишь весьма приблизительные по семантике лексемы. Такой подбор бывает оправдан тем, что в семантике подобранного писателем слова есть некоторый *семантический компонент*, соответствующий авторскому концепту, хотя этот компонент в данном случае может не являться ядерным или сколько-нибудь существенным и крайне редко актуализироваться в реальной коммуникации. Любопытно, что при этом концепты, существующие в сознании автора в «коде смысла», оказываются-таки в тексте вербализованными и воспринимаются читателями.

В процессе приблизительной номинации А. Платонов прибегает к моносемной актуализации значений избранных слов: в используемых значениях обычно актуализируется лишь одна сема, причем сема всегда неожиданная; актуализироваться могут архисемы высокого уровня абстракции, периферийные, редко актуализируемые семы. Языковой материал подтверждает данное предположение.

Первым типом платоновских «приблизительных номинаций» можно считать однословные номинации, в которых актуализируется неядерная сема – скрытая, высоко абстрактная архисема или периферийная сема. В этих случаях нередко бывает можно тем или иным способом дефинировать реализуемый данной номинацией авторский концепт средствами метаязыка.

Реализуется обычно только одна из сем используемого значения, причем, как мы уже указывали, наиболее абстрактная или периферийная. Например:

не вижу никакого *конфликта* – актуализована архисема *противоречие*
отказаться от *конфискации* ее ласк – архисема *получение, обретение*
был слишком *угрюм* для хитрости – периферийная сема *плохое настроение*
ответил *приблизительно* – архисема *неточно*
максимальный класс – актуализирована архисема *много*, наводится сема *имеющий*
у меня *нагрелось* к ней что-то в груди – архисема *возникло, появилось*
сберечь детей как *нежность* революции – архисема *привязанность, любовь*
привыкший *нечувствительно* жить человек – дифференциальная сема *отсутствие ощущений*
любил красоту жизни и *вежливость* ума – дифференциальная сема *деликатность*
мы сами живем *нечаянно* - архисема *случайно*
мне страшна сердечная *озадаченность* – архисема *наличие проблемы*
покажи бумажку, что ты *действительное* лицо – периферийная сема *настоящий, на самом деле*
для своего *угощения* целовал колхозниц - периферийная сема *удовольствие*
даже самые *незначительные* на лицо девки заплакали - периферийная сема *не привлекающий внимания*
после Революции *настал* труд - архисема *вступил в действие*
Отчего я ум чувствую? — архисема *мышление, мысли*
Спи может, ум забудешь - архисема *мысли*
хотел забыть свой ум — архисема *мысли*
хотел попросить самой *слабой* работы - архисема *незначительная*
в пролетариате сейчас *убыток* - архисема *нехватка*
сообщая вслух счастье песней - архисема *информировать*
я вас не *сознаю* - архисема *понимать*
стоял без всякого *впечатления* - периферийная сема *реакция*
имел *пожилое* лицо - архисема *старый*, нарушено ограничение сочетаемости «о людях»
стало легко и *неслышно* внутри - архисема *отсутствие ощущения*
скончаться привыкшим *нечувствительно* жить человеком - архисема *отсутствие восприятия*
ликвидировав *насмерть* кулака - периферийная сема *полностью*
активист *немолчно* писал – периферийная сема *беспрерывно*
лошадь *срочно* скрылась - архисема *быстро*
активист *отрешил* его от себя рукой - архисема *устранил*
из слов обозначаются линии и лозунги - архисема *появляются*
получилась мысль жалости - архисема *возникла, произошла*
пищевой не вступал в *разногласия* - архисема *противоречие*
не *сознавая* всего кругозора - архисема *понимать*

глина хороша для кирпича, а для вас она мала – периферийная сема *недостаточность*

более чем *пополам* готовый котлован - периферийная сема *половина*
имей в виду, любой кодекс для меня *слаб!* периферийная сема *недостаточность*
воздействия

как же, товарищи *активы*, нам жить дальше: - архисема *активные*
им ничего не *казалось* против говорящего - архисема *воспринимать, ощущать*
обязаны жить и *теряться* на этой земле - архисема *исчезать*
если вам *нечем* спокойно существовать - архисема *отсутствие*
воскресить *назад* сопревших людей - дифференциальная сема *вновь*
ударил в голову *инстинкт* - архисема *чувство*
назначим жизнь и отдых – архисема *каузировать, определять*
увидю всю твою *тенденцию* – архисема *цель, направление* и мн. др.

Обратим внимание на то, что практически во всех этих случаях налицо моносемная актуализация - актуализируется только одна сема использованной лексемы. Разумеется, ассоциативная связь с другими семами этого значения читателем может ощущаться, как во всяком непрямом употреблении слова, но наиболее ярко воспринимается одна абстрактная сема, неожиданно актуализованная в данной единице. Отметим также, что архисемы в большинстве своем относятся к разряду скрытых, поскольку они отражают более высокий уровень абстракции, относят слово к более обобщенной категории, чем эксплицитная архисема системного значения.

К примеру, *конфискация ласк* - эксплицитная сема *отбор, отъем*, а в нем скрыта сема более высокого уровня абстракции - получение, обретение (отбор - это вид обретения, приобретения). Аналогично и во многих других случаях.

Некоторые случаи плеоназма также могут рассматриваться как моносемная актуализация:

смотреть глазами, глядел глазами - архисема *воспринимал*
и сам умел *думать мысли* - архисема *производить, порождать*
не имел *аппетита к питанию* - архисема *желание*
пассивные мужики *кричали возгласы* довольства - архисема *производили, порождали*
и т.д.

Другой тип приблизительной номинации реализуется А. Платоновым в многочисленных рядах слов, где приблизительная номинация носит сквозной характер, т.е. наблюдается в нескольких ключевых словах, сочетающихся в тексте друг с другом.

В подобных случаях такие ряды слов допускают возможность лишь приблизительной интерпретации, в самом общем виде, причем связь концептов устанавливается читателем, который при этом фактически невольно следует логике писателя. Это явление обнаруживается и в речи автора, и особенно - в речи героев. Используемая последовательность ряда лексем создает, как правило, впечатление грубого нарушения лексической и синтаксической сочетаемости, но в результате ее восприятия возникает цепочка самых общих смыслов, логические отношения между которыми устанавливает, причем с легкостью, читатель.

Приведем примеры, выделяя курсивом опорные лексемы, реализуемые в «коде смысла»:

если вам нечем спокойно существовать
- актуализованы семы *отсутствие, спокойное существование*, итоговый смысл: если у вас отсутствует спокойное существование;
принести пользу всему неимущему движению в дальнейшее счастье
- актуализованы семы *неимущий, движение, будущий, счастье*; итоговый смысл: принести пользу движению неимущих людей к их дальнейшему счастью;
земля состоит не для зябнущего детства — актуализованы семы *существовать, мерзнуть, дети*, итоговый смысл: земля существует не для того, чтобы мерзли дети;

некуда жить, так и думаешь в голову - актуализованы семы *отсутствие, жизнь, мысль, сознание*, итоговый смысл: жизни нет, вот и мысли приходят в сознание, в голову;

поникли в недоумении своей дальнейшей жизни - актуализованы семы *прийти в уныние, непонимание, будущее, жизнь*, итоговый смысл: пришли в уныние оттого, что не понимали свою будущую жизнь;

умственно и фактически наблюдал кулацкую сволочь - актуализованы семы *умом, реально, воспринимать*, итоговый смысл: умом и зрением воспринимал;

стоял с робостью перед глазами шествия детства - семы *смотреть, идущие дети*, итоговый смысл: стоял с робостью перед смотревшими на него идущими детьми;

воздух ветхости и прощальной памяти - актуализованы семы *прошлое, прощаться, воспоминание*, итоговый смысл: воздух, напоминающий о прошлом и прощании;

накапливал энтузиазм несокрушимого действия - семы *готовился, активность, победоносность, деятельность*, итоговый смысл: готовился к активной победоносной деятельности;

это существо будет господствовать над их могилами - семы *действовать, функционировать, после смерти*, итоговый смысл: будет функционировать после их смерти;

зафиксируйте Настю - это наш будущий радостный предмет - семы *обратите внимание, будущее, доставлять радость*, итоговый смысл: обратите внимание на Настю, она нам в будущем доставит радость;

чтобы налаживать различные конфликты с целью организации достижений - семы *организовывать, борьба, обеспечивать*, итоговый смысл: чтобы организовать борьбу для обеспечения достижений;

а тронуть его (медведя) нельзя, скажут *бедняк, пролетариат, индустриализация* - во всех словах актуализируется интегральная сема *политически важный*;

А если производство улучшить до точной экономии, то будут ли происходить из него косвенные, неожиданные продукты? - семы *развить, эффективный, экономия, получаться, дополнительные, доставляющие удовольствие, результаты*, итоговый смысл: если производство довести до эффективного и экономичного, то будут ли от этого получаться дополнительные хорошие, приятные результаты?

Надо предпринимать существенную дисциплину - семы *создавать, значительный*; итоговый смысл: надо создать крепкую дисциплину.

Разумеется, бывают многочисленные случаи, когда общий смысл высказывания сформулировать очень трудно, например: «слишком смутно и тщетно было вокруг», но и в этом случае общий смысл читателю все равно понятен, чего и добивается писатель.

Чисто синтаксические нарушения, асинтаксические конструкции тоже представляют собой пример использования «языка смысла», так как они в явном виде отражают чисто смысловую сочетаемость используемых лексем при невозможности подобных сочетаний в норме языка:

ему никто не возражал здесь находиться
заволновался от дружбы к Козлову
познал в себе доброту к трудящимся
стал заботиться над разведением костра
склонившись корпусом от доверчивой надежды
продолжал смотреть Вощева дальше
через отверстие бывшего сучка
заснули тесным рядом туловищ
на полу спали благодаря холоду
поникли в недоумении своей дальнейшей жизни
хотелось эту радость применить на подвиг
мы их отсталость в активность вышибем

чинили автомобили от бездорожной езды
 сработал зубы на пищу
 дотронулся руками к лицу
 это ты пришел к нам на культурную революцию?
 стояли там свое время
 я вдалеке томился о них
 ярость расходовал в усердие труда
 болел живот от страха такого имущества
 колхоз метет снег для гигиены и т.д.

Возможность и распространенность подобных асинтаксических конструкций в языке А. Платонова подтверждает, что для писателя в процессе речепорождения важнее сочетаемость смыслов (концептов), чем нормативное сочетание лексем в языковой цепи.

Особенность «языка смысла» А. Платонова именно в том, что формальные связи слов в языке для него второстепенны. При этом любые попытки сформулировать значение того или иного экспрессивно употребленного писателем слова (в том числе и все метаязыковые толкования его словоупотреблений, предложенные нами выше) могут быть лишь весьма приблизительными, допускающими возможность и других интерпретаций.

У А. Платонова в структуре порождения речевого высказывания передается как бы «начерно» замысел, общий смысл, глубинный концепт, а не конкретный точный смысл, реализованный в определенном семном наборе. В авторском видении А. Платонова «правильная» сочетаемость слов, «правильное» их употребление - это подробности, которыми можно пренебречь, важно употребить ключевые слова и выразить ими ключевые смыслы. Это продуманно «небрежная» номинация и создает экспрессивность платоновского слова. Писатель стремится выражать смыслы, а не приспосабливать к выражению своих концептов значения имеющихся в языке слов. Язык Платонова - это язык смыслов, а не готовых значений. В силу этого и наблюдается определенная «недосогласованность» лексем в его языке, что выступает как главное средство создания экспрессивности.

А. Платонову для вербализации концептов достаточно практически любой единицы - лишь бы в ней был семантический компонент, отражающий созревший в сознании писателя, необходимый ему концепт - независимо от того, ядерная это или периферийная сема, постоянная или вероятностная, существенная или несущественная, какой части речи принадлежит это слово. Особенно отчетливо этот язык смысла виден на больших отрезках текста, на монологах персонажей, где сочетаются по смыслу ряды слов.

Почему автор «Котлована» развил в себе именно этот стиль речепорождения?

Язык А. Платонова - это отражение попытки назвать то, что есть в голове человека послереволюционного времени, но еще не названо в языке. Это может быть и то, что человек сам еще не полностью понял или понял лишь в самом общем виде. Стиль А. Платонова и стиль речи его персонажей одинаковы, поэтому и не смешон текст А. Платонова, как, к примеру, текст Зощенко, где писатель придерживается общепринятых норм речи, а персонажи говорят комично и неправильно. Это отражение стиля мышления современной писателю эпохи¹⁹. «Платонов прекрасно отразил обмороченный дух человека 30-х гг.» (А.И.Солженицын, из выступления перед воронежцами в 1996 г.).

¹⁹ См. Купина Н.А. Тоталитарный язык. Словарь и речевые реакции. - Екатеринбург-Пермь, 1995; она же. Русский тоталитарный язык в произведении Андрея Платонова (повесть «Котлован») // Stylistika. VI. - Opole, 1997. P.243-254.

Анализ языка А. Платонова подтверждает концепцию невербальности мышления: смысл, концепт существует независимо от языка, отдельно от него. Он может быть не выражен, если человек не хочет этот концепт обсуждать, сообщать о нем: он может быть выражен точным словом, подобранным из имеющихся в языке средств, либо развернутым описанием, метафорой, окказионализмом, если точного слова нет. Форма языкового бытования концепта вторична, она несущественна для бытования концепта как явления сознания. А можно выразить концепт в самом общем виде, в «языке смысла», как у А. Платонова, и такой концепт все равно будет понятен – «неправильный» язык писателя и его героев доказывает это.

Язык А. Платонова – подтверждение автономности существования смыслов в сознании человека. Необычный и гениальный в художественном отношении язык А.Платонова, сама возможность такого способа речепорождения – еще одно доказательство психолингвистической концепции невербальности мышления.

А о языке А.Платонова можно сказать его же словами из «Котлована»: «Глядел на окружающих с улыбкой загадочного разума».

*Опубликовано в:
«Филологические записки». Вып. 13.
Воронеж, 1999. С.154-162.*

Принадлежит ли язык к явлениям культуры?

В настоящее время стала широко обсуждаться проблема связи национальных языков и национальных культур, национальных менталитетов. В связи с этим высказываются (не впервые в истории лингвистической мысли) идеи о том, что язык представляет собой компонент культуры, является явлением культуры.

Тесная взаимосвязь понятий языка и культуры несомненна. Наиболее тесно связаны с культурой лексика, фразеология и языковая афористика (Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров). Вместе с тем, с нашей точки зрения, в настоящее время в лингвистике, культурологии, философии, психологии мы становимся свидетелями скорее эмоциональной, чем научной интерпретации языка как компонента культуры нации, что связано с обновлением интереса к национально-ментальному в общественном развитии.

Нам представляется, что язык никак нельзя рассматривать как компонент, составную часть или явление культуры. Отношения языка и культуры гораздо более сложные, разносторонние и, можно сказать, гораздо более тонкие, нежели отношение части и целого или отношение принадлежности.

Естественно, сравнивать язык можно лишь с духовной, а не с материальной культурой. Но духовная культура создается целенаправленной деятельностью общества, в то время как язык развивается естественным путем.

Духовная культура на протяжении развития общества меняется весьма существенно; язык по сравнению как с духовной, так и с материальной культурой изменяется крайне медленно.

Духовная культура в своей части существует в языковой форме (литература), но никак не сводится к последней (ср. живопись, графика, музыка, философские, этические идеи, интеллектуальные достижения человечества и др.).

С теоретической точки зрения духовная культура образована духовными ценностями, язык же к ценностям с этой точки зрения, видимо, не может быть отнесен (мы говорим о языке как ценности скорее с точки зрения нашего к нему эмоционального отношения, любви к нему).

Компонентами национальной культуры являются тексты и коммуникативное поведение (нормы и традиции общения народа), но сам язык выступает как одно из

средств создания произведений, явлений, фактов культуры, как выразитель некоторых культурных форм, как репрезентант культуры, сам не являясь при этом элементом культуры.

Язык обслуживает общество во всех сферах (в том числе и в сфере культуры), но это никак не означает, что язык относится к явлениям культуры.

Говорить о языке как явлении национальной культуры можно, лишь понимая национальную культуру в предельно обобщенном смысле - как образ жизни народа в целом (ср. определение американских ученых С. Таббса и С. Мосс: «Культура есть образ жизни, передаваемый от поколения к поколению»). С этой точки зрения язык народа, несомненно, можно рассматривать как часть культуры народа, но такое употребление явно нетерминологично и ничего не дает нам для понимания как языка, так и культуры. Если понимать культуру столь расширительно, то, сказав о языке, что он тоже явление культуры, мы ничего этим о языке не сообщаем. Получающееся же распространение выражение «язык как национально- культурная ценность народа» следует трактовать, с нашей точки зрения, как образную констатацию тесной связи культуры народа и его языка, но никак не указание на то, что язык принадлежит к явлениям культуры, является частью культуры.

Связь языка и культуры несомненна, и необходимо максимально полно выявить те аспекты культуры, которые наиболее тесно связаны с языком, наиболее полно и непосредственно отражены, репрезентированы в языке; но при этом язык не может быть поставлен в один ряд с литературой, искусством, живописью, другими явлениями духовной культуры, и тем более - в один ряд с явлениями материальной культуры.

Язык есть средство коммуникации, которое обслуживает общество во всех сферах его существования и функционирования, в том числе - и в сферах материальной и духовной культуры, не являясь при этом составной частью культуры - ни духовной, ни материальной.

*Опубликовано в:
Русский язык в контексте культуры. Екатеринбург, 1999.
С. 8-9.*

О понятии «академический язык»

Современная общественно-политическая ситуация в многонациональной России, объединяющейся Европе и в мире в целом ставит общество перед проблемой - на каком языке или языках должен быть обеспечен гражданам доступ к науке и образованию.

Интеграция образовательных систем - магистральный путь развития современной науки и образования в Европе. Языковые проблемы такой интеграции относятся к наиболее острым проблемам механизма такой интеграции. В настоящее время возникает новый термин - *академический язык*, то есть язык, на котором осуществляется доступ человека к науке и образованию.

Мы все свидетели быстрого расширения функций и интенсивного распространения в мире английского языка. Как бы к этому ни относились в той или иной стране - особое положение английского языка в современном мире является фактом, с которым надо считаться. Нецелесообразно идти по пути Франции, в крайних и скорее эмоциональных, чем разумных формах борющейся с влиянием английского языка - официальные запреты, языковая полиция, законы, запрещающие вести документацию на английском языке и т.д.

Вместе с тем, проблема кажется заслуживающей более широкой постановки вопроса. Речь, с нашей точки зрения, в настоящих условиях целесообразно вести не только о соотношении английского языка с национальными языками, а шире - о языке или языках образования и науки в целом.

В мире существуют так называемые мировые, международные языки - английский, испанский, французский, немецкий, арабский, китайский. Мы гордимся, что в их число входит и наш национальный язык - русский.

Существуют также языки межнационального общения, которые используют народы многоязычных стран. В бывшем СССР и в современной России - это русский. В нашей стране роль русского языка как интегратора культуры, науки и искусства особенно заметна - учитывая, что СССР объединял граждан, говоривших на более чем 130 языках, сейчас в России используются более 90 языков.

Для науки языки международного общения исключительно важны. Достижения науки в отдельной стране, опубликованные на мировых языках, сразу становятся достоянием всего мира, включаются в мировой научный контекст.

Не менее важна проблема языка образования. Получение образования на английском языке в настоящее время дает получившим его определенные преимущества. Это оказывается важным и при дальнейшем трудоустройстве, и при продолжении образования в аспирантуре, и для продолжения образования за рубежом.

Мировые интеграционные процессы в сфере образования протекают весьма интенсивно, и нет ничего предосудительного в получении человеком образования не на его родном языке, а на международном или региональном языке-посреднике. Но таким языком не должен быть только английский - это и немецкий, и французский, и русский языки. И вновь мы приходим к идее языка, вернее *языков - посредников*.

Международный академический язык-посредник уже есть - это, несомненно, английский язык. Однако должны существовать и региональные языки-посредники. Они являются естественными языками-посредниками для живущих по соседству народов, они традиционно изучаются в школах, на них облегчено непосредственное устное общение ученых, включая и их бытовое общение. Это естественное двуязычие.

Для стран Северной Европы таким региональным языком-посредником может стать немецкий, для Восточной и Центральной Европы - русский, для юга Европы - французский. Это могут быть и другие языки, которые добровольно выберут для себя соседние страны, но существование языков-посредников регионального характера представляется объективно необходимым и естественным. Это необходимое условие регионального развития Европы и современной цивилизации в целом.

Практическое осуществление академического многоязычия может выглядеть следующим образом. Прежде всего, необходимо публиковать результаты исследований минимум на двух языках - национальном и языке-посреднике, каковым должен быть английский и/или региональный научный язык-посредник.

Нужно расширять публикацию материалов в двуязычных сборниках, где статьи могут публиковаться на разных языках. Скажем, в России выпускается русско-эстонский научный сборник, где статьи эстонских авторов публикуются на русском языке, а статьи русских авторов - в переводе на эстонский. В Воронежском университете по такому образцу выпускались материалы научных конференций совместно с Германией.

Материалы недоступного читателям языка могут дублироваться в форме обзора на доступном им языке и т.д. Возможны и другие варианты, можно публиковать совместные научные сборники, издавать совместные журналы.

Устное научное общение на региональных научных конференциях целесообразно вести на языках-посредниках, крупные международные - на международном языке-посреднике, английском.

Те же тенденции, с нашей точки зрения, должны преобладать и в высшем образовании. Оно должно быть доступно гражданам на национальном языке, языке межнационального общения (если страна многонациональная) и на языке-посреднике (как международном, так и региональном).

Гипотеза естественного происхождения языка²⁰

Возникновение языка является важнейшей составляющей эволюции человека на пути от человекообразной обезьяны к гомо сапиенс. Без языка человека бы просто не было. Вместе с тем, возникновение языка в процессе эволюции человека остается одной из самых больших тайн науки о происхождении человека.

Существует несколько традиционных гипотез происхождения языка.

Звукоподражательная гипотеза. Согласно этой гипотезе, язык возник вследствие подражания человека различным звукам природы, крикам животных, звукам производимых самим человеком действий и т.д.

Междоименная гипотеза. Эта гипотеза исходит из того, что звуковой язык возник из невольных выкриков человека в процессе трудовой деятельности, охоты, собирательства под воздействием внешних обстоятельств или внутренних состояний.

Звукосимволическая гипотеза. Согласно данной гипотезе, в возникновении языка ведущую роль сыграл звукосимволизм – бессознательно улавливаемая людьми связь звуков с некоторыми качествами или признаками предметов. Так, замечено, что названия маленьких предметов или понятий типа «близко», «здесь» содержат обычно звуки И, Е, а названия больших предметов и понятий типа «далеко» содержат У, О.

Гипотеза общественного договора. Эта гипотеза принадлежит Ж.Ж.Руссо – люди договорились, как будут называть предметы.

Жестовая гипотеза. Данная гипотеза исходит из того, что звуковому языку предшествовал развитый ручной язык – язык жестов, и только потом жесты стали сопровождаться звуковыми возгласами.

Трудовая гипотеза. Эта гипотеза известна как гипотеза Л.Нуаре и Ф.Энгельса и основывается на том, что первые собственно человеческие слова возникают в процессе совместной деятельности людей как обозначения трудовых процессов.

Все эти гипотезы имеют право на существование, и все они частично подтверждаются фактами языка, исследованиями антропологов, наблюдениями над становлением речи ребенка в онтогенезе. Не выдерживает критики лишь гипотеза общественного договора, так как неясно, как, не имея языка, люди могли бы договориться о своем языке.

Любопытно, однако, что все перечисленные гипотезы исходят из того, что у первобытного человека языка не было вообще, и пытаются объяснить, как язык вдруг появился. При этом не учитывается то, что у первобытного человека уже была достаточно развитая коммуникативная система, доставшаяся ему от обезьяньих предков. Эта коммуникативная система никуда не исчезла, как не исчез никуда мозг человекообразной обезьяны: мозг человека не возник на пустом месте, он эволюционировал из мозга человекообразной обезьяны. Представления о коммуникативной системе человекообразных обезьян, полученные современными антропологами и этологами, позволяют выдвинуть *естественную гипотезу* происхождения языка – язык сформировался из коммуникативной системы человекообразной обезьяны эволюционным путем, путем ее усложнения и развития, приспособления к растущим потребностям развивающегося человека.

Коммуникативная система человекообразной обезьяны включает жесты, мимические

²⁰ Термин *естественная теория происхождения языка* предложен в работах «Общее языкознание» и «Введение в языкознание» в 2004 г.

сигналы и звуки, многие из которых носили аффективный характер. Все эти коммуникативные средства обнаруживаются и в языке современного человека.

Кроме того, наблюдения над формированием речи у ребенка показывают, что сначала в речи ребенка преобладают жесты, мимические сигналы и аффективные вербализации, а затем постепенно они уступают место все более и более членораздельным вербализациям, а роль жестов и мимики, очень высокая на начальном этапе развития речевой способности, постепенно сокращается и занимает место, которое соответствует нормам «взрослого» языка.

Жестикуляция сыграла свою роль в подготовке звукового языка; Вячеслав Всеволодович Иванов предполагает, что принципы построения последовательностей жестов рук в «языке жестов» гоминидов (семейство приматов, включающее *Номо sapiens*), служившие главным способом передачи сложных значений, были позднее перенесены на звуковые последовательности.

Анализируя с этой точки зрения остальные гипотезы происхождения языка, названные выше, можно констатировать, что все они не противоречат естественной гипотезе, а дополняют ее, раскрывая возможные пути развития звуковой стороны языка.

*Опубликовано в:
Общее языкознание. Воронеж, 2004.
С. 45-46*

Современные приматы имеют до 300 сигналов вербального и невербального характера, которыми они эффективно пользуются в повседневном взаимодействии друг с другом. В процессе эволюции человекообразной обезьяны эта система не исчезла, а усовершенствовалась, поскольку развитие мозга человека в результате труда требовало усложнения форм взаимодействия человеческих особей, что и стимулировало количественное увеличение сигналов и их специализацию.

В речи первобытного человека были и междометия, и звукоподражания, и трудовые выкрики – все эти элементы вошли впоследствии в развивавшийся и совершенствовавшийся язык человека и стали его компонентами.

Современный язык человечества – это система коммуникативных сигналов первобытных людей, унаследованная ими от обезьяньих предков и доведенная до совершенства в процессе эволюции.

*Опубликовано в:
Введение в языкознание. Воронеж, 2004.
С. 11*

Язык в глобальном обществе

Глобализация является доминирующей мировой тенденцией в современном цивилизованном мире. Глобализация представляет собой процесс политического, идеологического, экономического, финансового, социального и культурного сближения ведущих экономически развитых демократических стран мира, сопровождающийся выработкой согласованной политики во всех областях мировой жизни. Первые ростки процесса глобализации появились еще в начале XX века, когда была создана Лига наций, затем – ООН, Евросоюз и Европарламент, Шенгенское соглашение европейских стран, формирование института «восьмерки» развитых стран и др. Глобализация предполагает свободное перемещение граждан, примат международного права.

В условиях глобального общества языковые проблемы также становятся глобальными и требуют глобального подхода. Это проявляется, прежде всего, в формировании языков межнационального и международного общения и в признании

равноправия основных языков на международной арене.

Формируется категория «мировой язык». Языки, признаваемые международным сообществом мировыми, должны обладать следующими признаками:

- они преподаются во многих странах,
- они специально выучиваются взрослым населением разных стран,
- они являются рабочими в ряде международных организаций,
- они выступают как аккумулятор человеческих знаний (на них пишут как на иностранных и с них широко переводят на национальные языки),
- они распространены за пределами своей исконной территории.

Таковыми языками являются английский, французский, испанский, немецкий, близки к мировым языкам арабский, китайский и русский.

В условиях глобализации в мире сокращается количество языков за счет перехода малых и бесписьменных народов на языки крупных наций.

Основные изменения в языках в эпоху глобализации происходят в лексике, а не в фонетике и морфологии, причем особенно заметны изменения в общественно-политической и научной лексике.

Лексические системы языков становятся более проницаемыми, быстро растет число заимствований во всех развитых языках.

Активно расширяется интернациональный словарный фонд, наблюдается тенденция к сближению словарного состава разных языков.

Слова *компьютер, монитор, радио, ТВ, супермаркет, ксерокс, футбол, спорт, террор, киллер* и мн. др. уже можно назвать *глобализмами* – они есть практически во всех языках. Мгновенно распространяются наименования новых реалий в том языковом коде, в котором данная реальность впервые была названа (например, возникают новые виды физкультуры и спорта, наименования которых без перевода входят сразу во все языки – *рестлинг, бодибилдинг, дайвинг, боулинг, стрит-рейсинг, стречинг, шейпинг, скейтинг, скейт-бординг, сноу-бординг, спид-скиинг, маунтин-байк, рафтинг, вейк-бординг, дайвинг, аква-байк, кайтинг, скай-серфинг* и др. Эти слова известны во всех странах мира именно в таком лексическом виде, хотя и используются в большинстве своем преимущественно теми, кто занимается соответствующими экстремальными видами спорта. По языковому же статусу это, несомненно, глобализмы.

Расширение интернет-переписки в мире приводит к формированию на базе английского языка особого интернет-жаргона, понятного в своих основных чертах носителям большинства языков (*чат, ник, смайлик, сис-админ, мейл, апргейд, аникей, винт, диск, гама, гамер, джобать, квотинг, запостить, веб-конференция, зазипованный* и мн.др.).

В Интернет-переписке широко используются акронимы - традиционные речевые этикетные обороты, сжатые в сложносокращенное слово. Например: KISS – *keep it simple, stupid* – «будь проще, придурок»; AKA – *also known as* – «так же известен как» (подобное сокращение обычно связывает обычную подпись и ник – сетевой псевдоним); IMHO – *in my humble opinion* – «по моему скромному мнению» (употребляемое и в русской транслитерации - ИМХО или ПМСМ); IMNSO – *in my not so humble opinion* – «по моему не такому скромному мнению»; PG – *pretty good* – «весьма недурно»; LOL – *laughing out loud* – «громко смеюсь»; ROLF – *rolling on the floor laughing* – «катаюсь по полу от смеха».

Широкое распространение подобных единиц - одно из возможных направлений формирования интернационального компьютерного сленга, появление которого будет способствовать дальнейшей глобализации языковых процессов в современном обществе.

В эпоху глобализации заимствуются не только лексические единицы, но и междометия (*вау, оле-оле*), готовые фразы и синтаксические конструкции (*стоимость от ... рублей, ты в порядке? мы сделали это* и др.), так что процесс глобализации

начинает затрагивать все ярусы языка.

Усиливается профессиональная дифференциация языка, специальная лексика во много раз превосходит общеупотребительную. Сокращается сфера функционирования территориальных диалектов, но усиливается социальная дифференциация языка.

Изменяются функциональные стили, разговорная и сниженная лексика расширяет свои функции, наблюдается процесс так называемой демократизации языка, который затрагивает все ведущие страны.

Наблюдается процесс орализации общения – устная речь расширяет свои функции, возрастает ее объем в коммуникации и эффективность устного речевого воздействия, сокращается письменное общение.

Названные тенденции проявляются в языках практически всех развитых стран мира.

Глобализация и перспективы развития языков мира

Прогнозирование развития языков мира – задача трудная и со многими неизвестными. Однако анализ тенденций развития языков позволяет выявить основные направления, по которым языки, вероятнее всего, пойдут в своем развитии.

Сейчас в мире, по разным подсчетам, от 3 до 10 тысяч языков. Однако языков, имеющих «обеспеченное будущее», из них не более 3-4 десятков.

Количество языков в мире неуклонно сокращается, и эту тенденцию следует признать естественной и объективной.

В будущем продолжится и, возможно, усилится тенденция к сокращению числа языков – малые народы, бесписьменные народы будут быстрее переходить на языки более крупных народов, на которых они получают доступ к современному образованию, современному информационному пространству.

Сфера использования мировых языков получит еще большее распространение, основные мировые языки – английский, французский, а также испанский, немецкий, арабский, возможно, русский будут языками международных политических и научных конференций, будет расширяться практика выступлений на одном из этих языков без перевода на другие. Мировые языки постепенно будут занимать в мире господствующее положение; в настоящее время на первый план выступает английский язык.

Это не значит, однако, что народы средних по размеру стран утратят свои языки – в глобальном масштабе будет расширяться многоязычие людей, в первую очередь политиков, ученых, бизнес-элиты. Люди будут неизбежно владеть, кроме родного, еще и одним или несколькими мировыми языками, иначе они не смогут жить и работать в глобальном мире.

Глобализация в сфере экономики, культуры и политики будет продолжаться, мир постепенно будет объединяться, что неизбежно приведет к расширению межъязыковых контактов и развитию глобализационных процессов в языках мира.

Тотальный полилингвизм образованных слоев общества ведущих стран мира – это ближайший путь языкового развития в эпоху глобализма.

Идущий параллельно процесс глобализации словарного состава ведущих мировых языков – это тот путь, который ведет к постепенному сближению, а в перспективе – и слиянию мировых языков (очевидно, через длительный этап сосуществования языков с близким основным словарным фондом, но разной грамматикой).

Этот процесс будет идти естественно; возможно, некоторые страны будут стараться приостановить глобализацию в языковой сфере законодательно, защищая законами национальные языки, но вряд ли это сможет остановить тенденцию к сближению языков, поскольку это часть общей тенденции глобализации мировой культуры и цивилизации. Мир объединяется, а значит, будут сближаться экономические системы, политические системы, культуры и языки.

Структурные компоненты значения слова

Для контрастивных семантических исследований важнейшее значение имеет представление о значении слова как структуре. Представление о значении слова как структуре компонентов – достижение семной семасиологии, которая благодаря открытию компонентного анализа получила распространение в семантических исследованиях в 60-70-ых гг. прошлого века, но до сих пор, к сожалению, не нашла в массовых практических семасиологических (и в особенности лексикографических) исследованиях должного развития. Это связано, на наш взгляд, с тем, что до сих пор недостаточно четко и последовательно разграничены различные компоненты в значении слова, без чего трудно осуществлять сопоставление значений близких слов в разных языках, поскольку они описаны в словарях «своих» языков по-разному, с применением разного метаязыка. В связи с этим одной из задач контрастивного семасиологического описания является предварительное семное описание сопоставляемых единиц с применением одинакового метаязыка [1] – тогда семантическое сопоставление оказывается возможным и плодотворным.

Семная семасиология оперирует понятием семы и рассматривает значение как структуру дифференциальных компонентов - сем, которые могут быть выделены компонентным анализом и различными другими приемами, в частности – экспериментальными.

Значение слова (семема) есть закрепленное его звуковой оболочкой (лексемой) отражение действительности, и оно может быть описано как набор семантических компонентов различного уровня.

Самых крупных компонентов значения можно выделить два. Один несет информацию с внешней по отношению к слову действительности, второй - о собственно языковых признаках слова. Эти предельно крупные составляющие семемы могут быть названы семантическими мегакомпонентами. Первый из них представляет собой лексическое значение слова, второй - структурно-языковое значение.

Лексическое значение слова - закреплённое словом отражение *внеязыковой* действительности.

Структурно-языковое значение - информация о признаках слова как функциональной единицы языка, то есть отражение в значении *языковой* действительности.

По традиции говорят о лексическом *значении* слова, хотя, строго говоря, оно, как и структурно-языковое значение, является лишь частью значения слова, одним из двух *мегакомпонентов* семемы.

Мегакомпоненты значения подразделяются на менее крупные компоненты - *макрокомпоненты* значения.

Макрокомпоненты значения вычленяют в своём составе микрокомпоненты - *семы*. Сема - компонент значения, отражающий отличительный признак денотата слова (предмета, явления, процесса) или отличительный признак передаваемой словом эмоциональной, оценочной или структурно-языковой информации и способный различать значения слов.

В лексическом значении выделяются два макрокомпонента: денотативный и коннотативный .

Денотативный макрокомпонент - основной компонент лексического значения слова, указывающий на свойства, признаки предмета номинации. Он передает основную, общественно и коммуникативно значимую информацию.

Денотативный макрокомпонент значения содержит некоторые абстрактно-логические, понятийные признаки (указывающие не совокупность отличительных признаков денотата, например: *квадрат* – «прямоугольник с равными сторонами») и некоторые образные, эмпирические признаки (определенное чувственно-образное представление о типичном денотате, например, зрительный образ квадрата) [2]; разделить понятийные и образные составляющие (компоненты) в структуре денотативного компонента значения часто бывает довольно трудно, но как понятийная, так и образная составляющая в равной мере принадлежат денотативному макрокомпоненту. Образная составляющая значения слова крайне мало исследована.

Коннотативный макрокомпонент значения выражает эмоционально-оценочное отношение говорящего к денотату слова. Эмоция и оценка в составе коннотативного макрокомпонента тесно связаны, но являются разными семантическими компонентами. Неэмоциональность и неоценочность слова также рассматриваются как вид эмоции и оценки. Возможна оценочность слова при отсутствии эмоциональности и наоборот:

благоверный «муж, супруг» - неоц., шутил,
отпрыск «потомок» - неоц., ирон.-пренебр.,
безденежный «лишенный средств к существованию» - неоц., сочувств.,
доброкачественный «хорошего качества» - одобр., неэм.,
непогода «плохая погода» - неод., неэм.,
деликатес «изысканное кушанье» - одобр., неэм.

В большинстве случаев, однако, оценка функционирует в составе коннотации в согласовании с эмоцией:

восхитительный «очень хороший, красивый» - одобр., восх.;
ломиться «с силой пытаться войти» - неод., отриц.-эмоц.;
продаться «перейти на сторону противника за материальные выгоды» - неоц., през.;
нахал «грубый, бесцеремонный человек» - неод., возм. и т.д.

Оценка может быть не коннотативной, а денотативной, если называется само неодобрительное отношение к предмету, а не предмет + его оценка, например: *красивый, великолепный, подлец, негодяй* и др.

Разграничивается денотативная и коннотативная оценка следующим образом: если можно сформулировать значение слова без оценочных слов и добавить тестовую фразу «и это хорошо (плохо)», то оценка коннотативна, ср.: голословный – «не основанный на фактах», и это плохо; если такая процедура оказывается невозможной, то оценка денотативна: мелкотемье «мелкая, незначительная тематика», расточитель – «человек, безрассудно расходуящий деньги, средства» и т.д.

Если оценка в слове денотативна, то говорят об оценочном слове, если коннотативна - о слове с оценочным компонентом значения.

Оценка может быть и денотативной, и коннотативной одновременно.

Оценочные компоненты значения описываются пометами «одобр.» и «неодобр.», а также «неоцен.».

Отметим, что в словарях обычно указывается только помета «неодобр.», хотя тоже не совсем последовательно; другие же оценочные пометы обычно не приводятся.

Эмоциональные компоненты значения слова более разнообразны.

В ряды случаев эмоция выступает в значении в самом общем виде - как отрицательная или положительная эмоция:

Полож.-эмоц. - добряк, молодчина, компанейский, дотошный, благодать;
Отриц.-эмоц. - разбитной, гадкий, мерзкий, умудриться, толстуха, приткий.

В других случаях эмоция конкретизируется. Можно разграничить, по крайней мере, следующие эмоциональные компоненты значений:

Презрит. - голодранец, бредни, фискал, доносчик, угодливый, делец, проныра;
Пренебр. - старикашка, развалюха, работничек, задрипанный, деляга, закоулок;
Уничижит. - ничтожество, сопляк, быдло, ворюга, мальчишка, выкормыш, бандюга;

Ирон. - отпрыск, видик, зазноба;

Бран. - сволочь, мерзавец, подлец, негодяй;

Ласкат. - дружочек, бабуся, солнышко, миленький, бережок, ручонка;

Сочувств. - бедненький, скончаться, бедняга, горемыка, бедолага, заморыш;

Шутл. - благоверная, новоиспеченный, бутуз, полуночник, любезничать, егоза;

Восх. - пленительный, обворожительный, потрясающий, поразительный;

Возмуц. - безобразный, похабный, возмутительный;

Фамильярн. – тряпки, шмотки, барахло, пузо, дружбан, подружка.

Семная семасиология исходит из необходимости выявления и описания эмоционального и оценочного компонента в каждом слове.

Структурно-языковой мегакомпонент значения также состоит из макрокомпонентов. Выделяются функциональный и грамматический макрокомпоненты.

Функциональный макрокомпонент - информация об особенностях функционирования единицы в речи. Данный макрокомпонент включает более мелкие компоненты (семы): функционально-стилистический, функционально-социальный, функционально-темпоральный, функционально-частотный и функционально-территориальный.

Структура функционального макрокомпонента лексического значения может быть представлена следующим образом.

Функционально-стилистические семы	Функционально-социальные семы	Функционально-темпоральные семы	Функционально-частотные семы	Функционально-территориальные семы
Указывают на общую сферу, условия использования конкретного слова – в каком типе общения, виде речи это слово преимущественно употребляется) 1. межстилевое (исп. как в письм., так и в устной речи) – <i>носить, стул, хлеб, красивый, говорить</i> и др. 2. книжное (исп. преим. в пись-менной речи и официальных ситуациях)	Указывают на конкретную социальную группу, использующую конкретное слово в речи 1. общенародное – <i>платье, книга, рисовать, давать, быстро</i> и др. 2. социально ограниченное: техническое – <i>резистор, ниппель, дроссель, перфоратор, тюнинг</i> и др.;	Указывают на временной период употребления слова в речи 1. современное (узуальное) – <i>город, читать, быстро, сегодня, большой</i> и др.; 2. новое – <i>профи, олимпиец, гламурный</i> и др. 3. устаревающее	Указывают на степень употребительности конкретного слова в современной речи, осознаваемую носителями языка 1. высокоупотребительное – <i>я, он, сказать, день, дело, год, купить</i> и др.; 2. употребительное – <i>деньги, вода, окно, порядок, убирать, дождь, чистить</i> и др. 2. малоупотребительное – <i>горельеф,</i>	Указывают на регион, ограничивающий употребление конкретного слова 1. общераспространенное – <i>лес, река, зеленый, небо, медведь, сеять</i> и др. 2. территор. ограниченное – южное – <i>корей, гребовать, зеленя;</i> северное –

книжн.(собственно-книжная) - не закрепленная конкретно за каким-либо отдельным видом письменной речи - вследствие, обитать, вопреки, коллега, характеризовать, градация, аутентичный, иллюзорный, ригоризм и др. высокое (характеризуется приподнятостью, торжественностью, возвышенностью) - претворение, трибун, кончина, зодчий, избранник, обрести и др. официально-деловое – характерно для официальных документов и канцелярско-административной речи: вышеизложенный, надлежит, начислить, местожительство, домовладение, удостоверить и др. поэтическое –	юридическое – вчинить, деяние, иск., лжесвидетельство и др.; молодежное – предки, вписаться, аскасть, хайр, прикид и др.; детское – библика, велик, прятки, битка и др. студенческое – шипора, бомба, общага, спихнуть, степуха, заход и др.; солдатское – дембель, самоволка, гражданка, губа, деды и др.; уголовное мочить, малява, лаве, опустить и др. музык. – басуха, бочка, команда, лабух, лажать, сольник и др. спорт. – чистильщик, порвать, высотник, рыбка, болячка, рама, качалка и др; компьютерн. – комп, мама, винт, апгрейд, винды и др. и т.д. Примечание:	- праздношатайство, сибаритничать, искусник, обломов, захребетник и др.; 4. устаревшее - шуйца, алтын, боярин, ратай, толмач, баля и др.	трудолюб, декларативный, ригоризм, барствовать, синхрофазотрон, синекдоха и др. 3. неупотребительное - вымя, истукан, сеча, съезжая, шелом и др.	кови, брезговать, озимь; арханг. – попажа, воронеж. – грядущика, борисогл. глумордый и др. Примечание: Пометы диалектное, областное характеризуют территориальную ограниченность слова в общем, без конкретизации; они должны быть конкретизированы при описании.
--	--	--	--	--

используется преимущественно в поэзии, носит возвышенный, торжественно-приподнятый характер: <i>багрянец, лазурный, чужбина, безбрежный, лучезарный, година</i> и др. 3. разговорное (исп. преим. в устной речи, в рамках литерат. нормы) – <i>работяга, непоседа, читалка, зубрила, электричка, остряк, долговязый, прыткий. сплетничать. втихомолку</i> и др.) 4. сниженное (исп. преимущественно в устной речи и выходящая за рамки литературной нормы). сленговая лексика – экспрессивная сниженная лексика общенационального употребления (<i>алкаш, наехать, тачка, баксы, мент, крутой, приколы</i> и др.); жаргонная	Пометы <i>научн., терминолог., спец., профес.</i> указывают на социальные ограничения в употреблении слов, но не характеризуют конкретную социальную группу, поэтому они должны быть конкретизированы при описании.			
---	--	--	--	--

лексика – экспрессивные сниженные единицы, характерные для речи ограниченных социальных, возрастных, гендерных групп людей (молодежный, музыкантский, уголовный, компьютерный, студенческий и т.д. жаргоны); просторечная лексика - слова, не принятые в литературном языке, отклоняющиеся от литературной нормы, но употребляемые повсеместно недостаточно культурными людьми (<i>харчи</i>, <i>взаправду</i>, <i>вскорости</i>, <i>ихний</i>, <i>небось</i>, <i>умаяться</i>, <i>справить</i>, <i>заиметь</i>, <i>задаром</i>); грубая лексика - экспрессивная нелитературная лексика с усиленным неодобритель- ным и эмоциональны м компонентами, (<i>харя</i>, <i>морда</i>, <i>пузо</i>, <i>жрать</i> и др.); бранная				
--	--	--	--	--

лексика – различного рода ругательства, инвективы – <i>стерва</i> , <i>сволочь</i> , <i>хамло</i> и др.				
--	--	--	--	--

Между некоторыми функциональными семами могут быть отношения взаимозависимости (интердепенденции): например, если в значении слова есть семы «устаревшее» или «устаревающее», «территориально ограниченное», то обычно есть и сема «неупотребительное» или «малоупотребительное»; если есть сема «общенародное» (то есть значение не ограничено в употреблении какой-либо социальной группой), то обычно есть и территориальная сема «общераспространенное» и др. Но большинство функциональных сем могут выступать в значениях слов в самых разных сочетаниях друг с другом, что свидетельствует о независимости их существования в структуре значения.

Иногда в значении слова выделяют экспрессивный компонент значения. Однако семная семасиология не подтверждает выделения экспрессии как отдельного компонента в структуре значения. Экспрессивный компонент не может быть отдельно выделен в слове в противопоставлении какому-либо другому компоненту. Экспрессия – это наличие в слове в целом некоторых признаков, которые выделяют содержание этого слова из ряда других передаваемых содержаний, это некоторая дополнительная информация, передаваемая словом и привлекающая внимание к его содержанию. Экспрессия – не компонент значения слова, а свойство всего слова, производное от тех или иных компонентов значения или особенностей употребления слова. Она может создаваться и структурно-языковыми средствами, в частности стилистическими – разговорностью, сниженностью словоупотребления (всегда экспрессивны сленг, жаргон, вульгарная, бранная лексика), фонетическими средствами («вкус *спсифисский*»), метафоричностью словоупотребления, использованием окказионального слова, использованием редких, малоупотребительных слов, слов с усилительным компонентом значения и др. Таким образом, экспрессивность словоупотребления может создаваться различными языковыми средствами, но компонентом значения она не является²¹.

Грамматический макрокомпонент значения содержит информацию о грамматических признаках слова (род, число, падеж, время, вид, наклонение, лицо и т.д.).

Функциональный и грамматический макрокомпоненты в своей совокупности образуют структурно-языковое значение слова.

Таким образом, структура значения слова является трехуровневой и может быть изображена следующей схемой:

Типы структурных компонентов значения слова

1.	мегакомпоненты	лексический		структурно-языковой	
2.	макрокомпоненты	денотативный	коннотативный	функциональный	грамматический
3.	микрокомпоненты	семы	семы	семы	семы

²¹ См. выше статью «О трех видах экспрессивности слова».

И.А.Стернин. Контрастивная лингвистика. - Воронеж: «Истоки», 2004. С. 87-90.

И.А.Стернин. Проблемы анализа структуры значения слова. - Воронеж, 1979. С. 129-144.

Опубликовано в:

Русистика и современность. Т.1.

Лингвокультурология и межкультурная коммуникация.

СПб., 2005, с. 30-39.

Приводится с некоторыми исправлениями.

Стилистическая характеристика слова в обыденном языковом сознании

Экспериментальные исследования, направленные на описание языкового сознания носителей языка, показывают, что обыденное сознание носителей языка содержит картину стилистической дифференциации лексики, отличную от выстроенной лингвистами на основе детального описания стилистического значения различных типов слов. По нашим данным, реально языковое сознание носителей языка с достаточной уверенностью различает не более трех стилистических разрядов лексики, дифференцируемых по условиям употребления: литературная, разговорная и ненормативная лексика. Определим эти понятия.

Литературная лексика – это лексика *культурная*, куда входят книжная, научная, официально-деловая лексика и часть традиционно выделяемой разговорной лексики (так называемая литературно-разговорная); литературная лексика может быть использована в любой ситуации, как в устной, так и в письменной речи; эта лексика допустима в публичной речи, в общественном месте и в средствах массовой информации; в ее составе языковое сознание иногда выделяет лексику специально-книжную – редкие, малоизвестные для широкого круга носителей языка научные и специальные термины типа *предикат, генотип, инсталляция, психоделический* и под. Такую лексику носители языка опознают как научную или специальную, но при этом она остается в рамках литературной, то есть культурной лексики.

Разговорная лексика - лексика, уместная и допустимая преимущественно в устной речи между «своими», в узкой компании близких, хорошо знакомых и равноправных в общении людей; сюда же входит общенациональная жаргонная лексика (сленг) и просторечие.

Разговорная лексика не принята к официальному употреблению в общественных местах, в официальной речи, не предназначена для использования в средствах массовой информации; она не предназначена для использования в письменной речи, любое ее сознательное употребление в названных сферах носит намеренный, экспрессивный характер и должно быть мотивировано, «оговорено» особыми коммуникативными условиями, коммуникативной ситуацией, употребление такой лексики за пределами ее коммуникативной сферы должно быть как бы «заклучено в кавычки».

Разговорная лексика уместна в соответствующих неофициальных коммуникативных ситуациях, и там она выступает как нормативная, подобно литературной. <...>

Ненормативная лексика включает значительную часть сниженной лексики, в том числе грубую и нецензурную; эта лексика рассматривается как оскорбляющая собеседника и негативно характеризующая говорящего, в связи с чем в общественном мнении она рассматривается как подлежащая исключению из публичного употребления (то есть из употребления в общественных местах).

Среди ненормативной лексики языковое сознание достаточно рельефно выделяет два разряда – *грубую* и *нецензурную*.

Грубая лексика включает *вульгарную* (пузо, харя, рожа, жопа, срать, плешь проели и под.) и *бранную* (прошу прощения за примеры - охренеть, засранец, говно, дерьмо,

козел, сволочь, сука и под.). *Вульгарная* лексика свидетельствует прежде всего о бескультурье говорящего; *бранная* или *инвективная* может иметь намерение оскорбить или унижить адресата, а может и не иметь такого намерения, может использоваться безадресно, для выброса эмоций.

Нецензурная лексика – это крайне, предельно экспрессивная лексика (примеры приводить не буду). Нецензурная лексика, также как и бранная, может иметь установку на оскорбление, а может и не иметь такой установки.

Если употребление грубой лексики допускается только в предельно узких коммуникативных сферах, среди близких людей (при этом морально осуждается), то нецензурные слова принципиально не допускаются к употреблению при наличии слушателей и могут быть использованы говорящим только «себе под нос» или в отсутствие слушателей («в поле твоя воля» - русская народная поговорка).

На базе данной классификации представляется возможным определить термин *сквернословие*. Сквернословие – это экспрессивные слова с неодобрительным значением, используемые с намерением или без намерения оскорбить слушающего. Сквернословие включает бранную и нецензурную лексику, но не включает вульгарную.

Приведенная выше стилистическая классификация лексики предложена нами на основе нашего опыта работы в еженедельной радиопередаче «Территория слова» на воронежском радио – объяснение особенностей употребления слов перечисленными тремя стилистическими категориями (литературное, разговорное, ненормативное) удовлетворяет слушателей и не вызывает дальнейших вопросов. При этом содержание категорий *литературное*, *разговорное* и *ненормативное* систематически поясняется нами в эфире в опоре на ситуацию их употребления: «можно употреблять в любой ситуации, в письменной и устной речи»; «можно употреблять только в неформальном разговоре со своими»; «можно употреблять только себе под нос, в отсутствие собеседника».

В связи с этим нами была выдвинута гипотеза, что рядовой носитель языка будет способен с достаточной уверенностью опознать данные три стилистические категории в предъявляемом ему объемном лексическом списке современных русских слов, если эти три стилистические категории будут пояснены как имеющие указанные ситуативные условия употребления.

Испытуемым предлагалось ответить на вопросы следующей анкеты:

«Просим вас принять участие в психолингвистическом эксперименте. Мы исследуем, как понимают носители русского языка особенности употребления разных типов слов.

Просим Вас распределить приведенные ниже слова по трем группам:

1. Их можно употреблять в любой ситуации, в письменной и устной речи;
2. Их можно употреблять только в неформальном разговоре со своими;
3. Их можно употреблять только себе под нос, в отсутствие собеседника.

Отметьте крестиком в соответствующей колонке, как вы оцениваете то или иное слово.

Руководствуйтесь своим пониманием того, в каких ситуациях можно употреблять каждое слово. Все ваши личные ответы будут правильными.

Просим прощения за то, что в список включены некоторые грубые слова, но это тоже является предметом нашего исследования.

Если слово имеет несколько значений – оцените самое употребительное, с вашей точки зрения».

Анкетный лист имел следующий вид:

	можно употреблять в любой ситуации, в письменной и устной	можно употреблять только в неформальном	можно употреблять только себе под нос, в отсутствие
--	---	---	---

	речи	разговоре со своими	собеседника
акция			
алкаш			
баба			
баксы			
барахло			
бедокурить			
безалаберный			
бездарь и т.д.			

Исследователь исходил из предположения, что данные три ситуации употребления слова примерно соответствуют в обыденном языковом сознании понятиям литературной, разговорной и ненормативной лексики.

Эксперимент был проведен со следующими словами: *акция, алкаш, баба, баксы, барахло, бедокурить, безалаберный, бездарь, бесстыжий, блажить, блевать, блин, бомж, бояться, бухать, валандаться, ввергнуть, вдохновить, ведомство, власть, влипнуть, втемяшиться, вызывать, галдеть, галиматья, генетика, главарь, гляделки, говнюк, говорить, гонение, горнило, грядущий, дальновидный, демократия, депутат, диктатура, доблесть, договор, достать кого-либо, достояние, дума, дурень, елозить, ехать, жопа, жрать, журить, зариться, заплатить, засранец, зачинщик, изобилловать, индифферентный, инсинуация, инструкция, истец, исчислить, кайф, кара, клонировать, колечко, колошматить, конституция, кресло, крутой, лебезить, многотрудный, морочить, морковка, наварить, нагрел, надлежит, надул, наезжать (на кого-либо), напрягаться, напряженка, начёт, недуг, немошный, нижеподписавшийся, обделался, облованивание, общение, общество, окно, ответчик, отечество, отстегивать, партия, подвижник, получка, попса, порнуха, пособник, президент, приказ, просрать, простить, протокол, разборка, читать, чесать, фуфло, фонендоскоп, удостоверить, распоряжаться, трахаться, трактор, террорист, справка, солнце, случай, шлепнуться.*

Эксперимент проводился в письменной форме, время выполнения задания не ограничивалось. Опрошено было 100 человек по 85 словам. Испытуемыми являлись рядовые носители языка от 17 до 68 лет, имеющие среднее, среднетехническое или высшее техническое образование, работающие преимущественно на рабочих, инженерных должностях или являющиеся служащими низшего или среднего звена, городские жители г. Воронежа (население около 1 миллион человек). Таким образом, испытуемыми являлись люди, максимально удаленные от филологии и вообще от гуманитарных областей знания.

Обсуждение результатов эксперимента

Испытуемые в целом без особого труда разделили предъявленные лексические единицы на три предложенные группы, что свидетельствует о том, что данные три типа коммуникативных ситуаций употребления языковых единиц, очевидно, являются реальной составляющей языкового сознания носителей языка и позволяют испытуемым описать весь предложенный в эксперименте массив языковых единиц. Можно предположить, что выделенные три типа коммуникативных ситуаций достаточно непротиворечиво и естественно для языкового сознания рядового носителя языка характеризуют стилистическую отнесенность единиц языка – литературные, разговорные и ненормативные.

Эксперимент позволяет выделить в исследуемой группе слов лексемы с однозначной стилистической отнесенностью:

	<i>литературное</i>	<i>разговорное</i>	<i>ненормативное</i>
бомж	100		
вдохновить	100		
ведомство	100		
вызывать	100		
говорить	100		
горнило	100		
грядущий	100		
дальновидный	100		
демократия	100		
депутат	100		
диктатура	100		
доблесть	100		
договор	100		
достояние	100		
дума	100		
индифферентный	100		
инструкция	100		
истец	100		
кайф		100	
Конституция	100		
кресло	100		
нижеподписавшийся	100		
общение	100		
общество	100		
окно	100		
ответчик	100		
отечество	100		
подвижник	100		
президент	100		
приказ	100		
читать	100		
фуфло		100	
удостоверить	100		
распоряжаться	100		
справка	100		
солнце	100		
случай	100		

Абсолютно преобладают в данном списке литературные единицы, что свидетельствует о том, что данный вид стилистический отнесенности слова наиболее однозначно интерпретируется языковым сознанием испытуемых и наиболее непротиворечиво представлен в их языковом сознании. Обращает на себя внимание, что слово *бомж* языковым сознанием уже однозначно признается литературным (данное обстоятельство представляется нам несколько неожиданным), а слово *кайф* столь же единодушно закреплено за разговорным стилистическим регистром.

Среди стилистически двузначных лексем выделяются следующие.

Лексемы, в которых литературная стилистическая отнесенность явно (абсолютно) доминирует над разговорной:

	<i>литературное</i>	<i>разговорное</i>	<i>ненормативное</i>
акция	92	8	
бедокурить	93	7	
бояться	97	3	
ввергнуть	96	4	
власть	96	4	
заплатить	94	6	
гонение	92	8	
зачинщик	90	10	
изобиловать	97	3	
инсинуация	98	2	
кара	97	3	
клонировать	92	8	
колечко	98		2
морковка	89	11	
надлежит	91	9	
недуг	94	6	
немошный	91	9	
партия	95	5	
простыть	90	10	
фонендоскоп	86	14	
трактор	96	4	

Лексемы, в которых литературная стилистическая отнесенность существенно преобладает над разговорной:

	<i>литературное</i>	<i>разговорное</i>	<i>ненормативное</i>
безалаберный	76	24	
галдеть	74	26	
крутой	69	31	
лебезить	80	20	
морочить	62	38	
напрягаться	91	9	
начёт	66	34	
чесать	80	20	
получка	89	11	

Лексемы, характеризующиеся испытываемыми примерно в равной степени как литературными и разговорными:

	<i>литературное</i>	<i>разговорное</i>	<i>ненормативное</i>
галиматья	44	56	
нагрел	51	49	
надул	52	48	
напрягать-ся	59	41	
попса	51	49	
разборка	56	44	
шлепнуться	48	52	

Возможно, в некоторых случаях испытываемые интерпретировали разные значения слов, каждое из которых имеет разную стилистическую отнесенность (*нагрел*, *надул*, *разборка*).

Лексемы, в которых разговорная стилистическая отнесенность преобладает над литературной (хотя здесь тоже может играть роль фактор полисемии – *достать*, *наезжать*, *отстегивать*):

	<i>литературное</i>	<i>разговорное</i>	<i>ненормативное</i>
барахло	33	67	
достать кого-либо	31	69	
колошматить	26	74	
наезжать (на кого-либо)	36	64	
напряжен-ка	25	75	
отстеги-вать	37	63	

Лексемы, интерпретируемые как разговорные и ненормативные:

	<i>литературное</i>	<i>разговорное</i>	<i>ненормативное</i>
блевать		87	13
говнюк		45	55
жопа		33	67
жрать		86	14
засранец		65	35
просрать		56	44
трахаться		51	49

Обращает на себя внимание, что при разграничении разговорных и ненормативных единиц испытуемые демонстрируют гораздо меньше согласия, чем при выделении литературных единиц.

Характерно, что среди единиц, предъявленных в эксперименте, нет ни одной единицы, которая была бы однозначно определена испытуемыми как ненормативная – для всех единиц, признаваемых ненормативными, значительная часть испытуемых либерально допускает и разговорный характер: ненормативные *говнюк*, *жопа*, *засранец*, *просрать* и *трахаться* половиной испытуемых допускаются и в разговорной речи. Это лишний раз свидетельствует о либерализме русского языкового сознания к ненормативной лексике.

Очевидно, разговорные и ненормативные единицы менее четко разграничиваются в языковом сознании испытуемых, нежели, к примеру, литературные и разговорные. Очевидно, разговорные и ненормативные единицы образуют в сознании носителей языка некоторую общую оппозицию литературным единицам.

Лексемы с трехзначной стилистической отнесенностью:

	<i>литературное</i>	<i>разговорное</i>	<i>ненормативное</i>
алкаш	11	71	18
баба	21	62	17
бездарь	55	40	5
бесстыжий	85	11	4
блажить	65	30	5
блин	51	45	9
бухать	5	89	6
валандаться	16	65	19
влипнуть	20	76	4

	<i>литературное</i>	<i>разговорное</i>	<i>ненормативное</i>
втемяшиться	45	49	6
гляделки	23	70	7
дурень	20	65	15
елозить	31	59	10
ехать	85	10	5
зариться	69	26	5
исчислить	90	6	4
наварить	52	38	10
обделался	5	66	29
оболвани-вание	26	67	7

Эксперимент показал, что при наличии в обыденном языковом сознании неоднозначной стилистической отнесенности слова в подавляющем большинстве случаев одна из оценок явно доминирует и, таким образом, слову как единице лексикона, как правило, может быть приписана вполне определенная стилистическая характеристика.

Следует отметить, что стилистическая отнесенность некоторых предъявленных единиц могла быть охарактеризована испытуемыми противоречиво из-за многозначности этих единиц – *наварить*, *нагреть*, *надуть*, *блин*, *отстегивать*, *разборка*, *чесать* и нек. др. Очевидно, при предъявлении таких слов необходимо все-таки конкретизировать их значение.

Слова *алкаш* и *бухать*, как показывает эксперимент, уже преимущественно закрепились в языке как разговорные единицы; *бездарь*, *бесстыжий*, *блажить* – преимущественно как литературные.

Находятся на пути перехода в литературные лексемы *наварить*, *втемяшиться*, *блин*(!).

Проведенный эксперимент показал также некоторые частные тенденции развития языкового сознания в стилистической интерпретации предъявленных языковых единиц.

На основании полученных результатов можно предположить, что некоторые испытуемые склонны тесно увязывать стилистическую характеристику слова с его лексическим значением. Так, они приписывают стилистическую сниженность – разговорность, а иногда и ненормативность – единицам, которые обозначают неприятные или общественно неодобряемые явления или действия. Тенденция такова: если слово обозначает что-то плохое, неприятное, осуждаемое с моральной точки зрения, некоторыми испытуемыми ему приписывается разговорность либо ненормативность:

начет, *журишь*, *многоотрудный*, *гонение*, *клонировать* - **разг.**;

алкаш, *баба*, *дурень*, *обделался*, *оболванивать*, *наварить*, *елозить*, *бездарь*, *бесстыжий*, *бухать*, *блажить*, *блин*, *влипнуть*, *втемяшиться*, *зариться*, *недуг*, *инсинуация*, *порнуха* - **ненорм.**

Кроме того, у части испытуемых проявляется тенденция определять разговорность единицы по обыденности денотата. Именно по этому принципу, видимо, приписана некоторыми испытуемыми разговорность таким единицам как *бедокурить*, *бояться*, *галдеть*, *главарь*, *гонение*, *ехать*, *журишь*, *заплатить*, *морковка*, *лебезить*, *недуг*, *немошный*, *трактор*, *простыть*, *шлепнуться*, *фонендоскоп*, *оболванивать* и нек. др.

Елозить, *гляделки* и *валандаться*, очевидно, некоторыми испытуемыми относятся к ненормативным также из-за их просторечности и малоупотребительности. Таким образом, единицы с ярко просторечным оттенком могут восприниматься испытуемыми как ненормативные, хотя таких носителей языка не более 10%.

Среди женского контингента испытуемых выявилась тенденция повышать стилистический ранг слова. Так, преимущественно женщины отнесли к литературным

такие разговорные единицы как *наезжать на кого-либо, напрягаться, обделался, морковка, бомж, валандаться, бедокурить, влипнуть, втемяшиться, блажить, галиматья, гляделки, журить, зариться, колошматить, крутой, нагрел, надул, напрягаться, оболванивание* и нек. др.

Проведенное исследование позволило в целом подтвердить выдвинутую гипотезу о том, что языковое сознание рядового носителя языка достаточно отчетливо и рельефно разделяет лексические единицы по стилистической принадлежности на три основные группы – *литературные, разговорные и ненормативные*. Последние две группы реально объединяются в сознании носителей языка в более общую группу как *нелитературные* (имеющие ограниченное употребление в устной речи и не предназначенные для письменной речи).

Предложенная методика может быть использована для экспериментального определения и уточнения стилистической характеристики слова как единицы системы языка. Кроме того, возможно, следует сократить количество стилистических помет в общеупотребительных словарях, опираясь на выделенные три основные стилистические разряда, вычленяемые в языковом сознании рядового носителя языка.

Опубликовано в:
Русский язык сегодня. 4. Проблемы языковой нормы.
 / Отв. ред. Л. П. Крысин. Москва: ИРЯ им. Виноградова, 2006. С. 518-529

О понятиях *метод, методика, прием*

Иногда на защитах диссертаций возникают дискуссии по поводу того, можно ли охарактеризовать использованный диссертантом метод как *метод*, или это *прием, методика*. Представляется, что применительно к лингвистическим исследованиям термины *метод, методика, прием* используются в настоящее время сколь широко, столь и в значительной степени взаимозаменяемо.

Очевидно, необходимо определить их содержание и различия – если они есть. При этом, на наш взгляд, целесообразно рассмотреть содержание этих понятий с учетом сложившейся практики лингвистических исследований.

Обратимся сначала к данным толковых словарей.

В словаре С. И. Ожегова *метод, методика, прием* определяются следующим образом:

Метод

1. Способ теоретического исследования или практического осуществления чего-либо. Новые м. в медицине. Поточный м. производства.
2. Способ действовать, поступать каким-н. образом, прием (в 3-тнем значении). М. воздействия, внушения.

Прием

1. см. принять
2. Отдельное действие, движение. Выпить стакан в два приема.
3. Способ осуществления чего-н. Художественный прием. Прием борьбы. Запрещенный прием (в спорте: также в перен. значен.)
4. Собрание приглашенных (обычно у официальных лиц).

Методика

1. Наука о методах преподавания
2. Совокупность методов обучения чему-н., практического исполнения чего-н., М. опытов.

Таким образом, слово *метод* используется одновременно в двух значениях: общенаучном – *способ теоретического исследования* и конкретном – *способ осуществления чего-л.*, то есть как синоним термина *прием*.

При этом принято разграничивать:

общенаучные методы – используемые всеми науками: методы наблюдения, обобщения, моделирования, количественные методы, экспериментальные методы;

методы частных наук – используемые только одной наукой или группой родственных наук. Например, лингвистическое интервьюирование, полевая стратификация, лингвокогнитивный метод, ассоциативный эксперимент;

методы исследования отдельных явлений частной наукой, например, в лингвистике – фонологический анализ, компонентный анализ, когнитивная интерпретация.

Один и тот же метод может выступать в нескольких разновидностях (вариантах), которые в практике лингвистических исследований тоже принято называть методами. Например, метод эксперимента может выступать в виде метода ассоциативного эксперимента, который, в свою очередь, может выступать в виде свободного ассоциативного эксперимента и направленного ассоциативного эксперимента. Все это будут методы исследования. Метод компонентного анализа выступает в виде метода классического оппозитивного компонентного анализа и метода Бендикса и т.д.

В научной практике используется и термин *методика*, который также оказывается многозначным.

С одной стороны, *методика* – это *совокупность методов и приемов для эффективного исследования какого-либо явления*.

С другой стороны методикой очень часто называют отдельные *частные методы* или *приемы* исследования – например, часто говорят *методика Бендикса*, *методика компонентного анализа* и т.д. *Методика* в последнем случае – синоним частного метода и приема.

Таким образом, с одной стороны, в лингвистической практике *метод* – это более широкое понятие, чем *прием*, с другой стороны, термины *метод* и *прием* могут выступать как синонимы. *Методика* – более широкое понятие, чем *метод* и *прием*, но оно на практике тоже может выступать как синоним терминов *метод* и *прием*.

Мы полагаем, что исключительно термин *методы* целесообразно использовать применительно к общенаучным методам, все остальные могут в равной степени называться *методами*, *методиками* и *приемами*. Например: «в исследовании использовались общенаучные методы наблюдения, обобщения, моделирования, эксперимента, количественные методы, а также методы (приемы, методики) свободного и направленного ассоциативного эксперимента, лингвистического интервьюирования, когнитивной интерпретации, компонентного анализа, полевой стратификации».

При описании использованных в лингвистическом исследовании частных методов важно, чтобы эти методы назывались максимально конкретно, в форме конкретных используемых вариантов того или иного метода – например, не *метод ассоциативного эксперимента*, а *методы направленного и свободного ассоциативного эксперимента* и т.д., чтобы можно было максимально полно представить используемый метод.

Методы различаются по цели их использования и выступают при этом в различных видах (формах, разновидностях, вариантах).

По цели различают:

- методы исследования,
- методы верификации результатов исследования,
- методы интерпретации результатов исследования.

Основными методами *лингвистического исследования* являются:

- лингвистическое наблюдение,
- лингвистический эксперимент,
- лингвистическое интервьюирование (опрос).

Основными методами *верификации результатов* лингвистического исследования являются:

- подтверждающий опрос по полученным результатам,
- повтор исследования на другом материале,
- повтор исследования с использованием других методов.

Основные методы *интерпретации результатов* лингвистического исследования:

- метод семантической интерпретации,
- метод когнитивной интерпретации.

Лингвистическое наблюдение – это анализ и фиксация языкового материала в его функционировании - в устной или письменной речи. Наблюдение всегда сопровождается фиксацией наблюдаемых явлений - на бумаге, на специальных карточках, в магнитофонной форме, в компьютерной форме или в форме видеозаписи. В дальнейшем лингвист обобщает зафиксированные в результате наблюдения данные и делает выводы о значениях и функциях зафиксированных в ходе наблюдения языковых единиц.

Важно разграничить термины *лингвистический эксперимент* и *опрос*, которые часто не разграничиваются.

Ср. в словаре С.И.Ожегова:

Эксперимент - то же, что опыт 3.

Опыт. 3. воспроизведение чего-либо экспериментальным путем, создание чего-либо нового с определенной целью, с целью исследования, испытания

Таким образом, эксперимент – это *создание* некоторого явления с целью его исследования. В лингвистике эксперимент предполагает создание участниками эксперимента некоторого речевого произведения.

Например, словесная ассоциативная реакция, минисочинение (создание текста), завершение некоторой фразы и под. - это эксперимент. Участники эксперимента – испытуемые.

Ответы на вопросы исследователя (письменные, устные; открытые, закрытые) – это опрос. Участники опроса – информанты или респонденты.

Метод *лингвистического интервьюирования* заключается в том, что информантам – носителям языка задаются прямые вопросы лингвистического характера об интересующих исследователя языковых единицах или явлениях языка. Лингвистическое интервьюирование есть непосредственное обращение к языковому сознанию носителей языка с прямыми вопросами типа: *Что значит эта единица? Можно ли так сказать? Как бы вы сказали, если...? Различаются ли эти единицы по значению? Совпадают ли эти единицы по значению? Какие функции выполняют эти единицы?* и т.д. Затем исследователь обобщает и статистически обрабатывает результаты.

Лингвистическое интервьюирование осуществляется в форме опроса – устного или письменного, ответы респондентов (информантов) фиксируются исследователем либо самими респондентами в письменной форме.

Таким образом, лингвистическое интервьюирование – это метод, а опрос – это форма, в которой метод реализуется.

Примеры экспериментальных методов:

- Свободный ассоциативный эксперимент
- Направленный ассоциативный эксперимент
- Метод субъективной дефиниции
- Методика Бендикса
- Экспликативный эксперимент
- Методика описания чувственного образа, вызываемого словом
- Метод письменной рефлексии (минисочинений) по концепту

- Завершение экспериментальной фразы

Примеры методов лингвистического интервьюирования:

- Прямое лингвистическое интервьюирование
- Метод семантической дифференциации (метод выявления дифференциальных признаков языковой единицы)
- Метод оценочной дифференциации

Таким образом, лингвистика и психолингвистика обладают комплексом методов (методик, приемов) исследования материала, а также используют общенаучные методы.

В связи с вышеизложенным нам представляется непринципиальным вести дискуссии о том, относится ли конкретный использованный исследователем метод к *методам*, *методикам* или *приемам* исследования. В конкретном исследовании то, как будет классифицирован использованный метод, не имеет значения – это ничего не меняет в результатах конкретного научного исследования, важно лишь, чтобы использованные методы (методики, приемы) были в исследовании конкретно описаны.

Опубликовано в :
Теоретические и прикладные проблемы языкознания.
 Воронеж: «Истоки». 2008. - С.96-99